

Ант Скаландис
Точка сингулярности
Серия «Причастные», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127847

Аннотация

«Точка сингулярности» – второй роман Анта Скаландиса из серии «Причастные». Если в первой книге идет борьба за влияние в России, то во второй главной целью Причастных становится таинственная «Точка сингулярности», в которой сходятся все времена и пространства.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
Глава первая	11
Глава вторая	20
Глава третья	28
Глава четвертая	36
Глава пятая	49
Глава шестая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Точка сингулярности

Ант Скаландис

Посвящается Бульвару, которого, к сожалению, больше нет, и всем его обитателям, которые, к счастью, пока еще живы.

ПРОЛОГ

(Из романа Михаила Разгонова «Точка сингулярности»)

Когда раздалась первые выстрелы, мы сидели на пепельно-сером песке океанской отмели, хрумкали чипсы и запивали их хорошо охлажденным пивом «Миллуоки Олд» из принесенной полчаса назад упаковки. Ничто вокруг не предвещало беды. Огромное солнце садилось прямо в воду, заливая расплавленным золотом маленький коралловый остров в километре от берега, и угрюмые темные скалы будто растворялись в пылающей водной ряби. Тот, кто хотя бы однажды видел океанский прибой – широкий и могучий даже в самую тихую безветренную погоду, – тот никогда не перепутает его с обычными волнами, накачиваемыми на берег любого из внутренних морей, как нельзя перепутать тяжелые вздохи тигра в темноте джунглей с уютным посапыванием домашнего кота. Однако и дыхание океана в тот вечер было ровным, спокойным, умиротворяющим.

Татьяна вздрогнула, конечно, от первого резкого звука, но даже она не обернулась, только руки ее и спина напряглись на какую-то секунду. А я и вовсе с непонятной уверенностью сразу сказал себе: «Ерунда. Вся эта пальба не имеет к нам ровным счетом никакого отношения». Меж тем моя правая ладонь, жившая собственной, совершенно отдельной жизнью, нырнула в карман пиджака и привычно нащупала там теплую рубчатую рукоятку старенького «ТТ». На дне большой спортивной сумки валялась еще и «беретта» – полегче, поудобнее, поскорострельнее, – но ввязываться в боевые действия приходилось, мягко говоря, не часто, и под одеждой я постоянно носил с собою именно любимый «ТТ» – скорее как талисман, чем как средство самозащиты.

– Ну, и для чего я сюда приехал?

Мне пришло в голову, что пора, наконец, поинтересоваться и этим.

– Для того же, для чего и я, – сказала Татьяна. – Чтобы все начинать сначала. С нуля. Это было слишком общо, я ждал продолжения.

Кажется, меня доставили сюда на вертолете. Точно я уже ничего не мог вспомнить. Хотя в баре «боинга» за обедом выпил совсем немного хорошего ирландского виски, а в вертолете – и того меньше – рюмочку текилы с лимоном и солью, как полагается. Впрочем, я насыпал крупные кристаллы между большим и указательным пальцами и выдавливал сок из несчастного фрукта только из уважения к двум летевшим вместе с нами мексиканцам. На самом деле я всегда восхищаюсь изысканным и ни на что не похожим вкусом настоящей серебряной текилы и совершенно не понимаю, для чего нужно глушить тонкий букет агавы грубо-контрастным впечатлением от соленого цитруса.

Потом, от места посадки, мы, кажется, ехали с Татьяной на лошадях, которых позже привязали к столбам, торчащим из песка посреди пляжа. Кажется, довольно долго целовались, прежде чем опустились в шезлонги и начали пить пиво. Однако целовались мы еще и раньше, едва только встретились, и было это совсем неплохо, даже здорово, хоте-

лось поскорей остаться вдвоем, неважно где, только бы вдвоем, без свидетелей... А вот поговорить как раз и не успели.

– Начать с нуля, – повторила Татьяна, потом выдержала солидную, по-актерски эффектную паузу и грустно сообщила: – Трахаться сегодня не будем.

– Хорошо, – сказал я рассеянно.

Теперь, на вечеряющем пляже я как-то совсем не думал об этом. Странно.

– Чего ж тут хорошего? – удивилась Татьяна. – Просто времени, похоже, не остается.

Я вздрогнул от ее последней реплики. Я вдруг вспомнил с магнитофонной точностью, что мы повторяем слово в слово собственный исторический диалог трехлетней давности. Однако для продолжения давнего спектакля требовался, как минимум, еще один персонаж, который сейчас отсутствовал.

Я привлек Татьяну к себе и прошептал:

– Я снова люблю тебя! Как тогда. Слышишь? Мне достаточно, чтобы ты просто сидела рядом.

– Врешь ты все, поросенок, – улыбнулась она.

– Не-а, – я помотал головой. – Рассказывай. Рассказывай, наконец, что случилось.

Солнце уже почти целиком ухнуло в океан, коралловый остров сделался похож на несчастного черного жука, угодившего в еще не остывшее апельсиновое желе. А за нашими спинами продолжали стрелять. Однако вместо подробных объяснений происходящего мне довелось услышать от Татьяны лишь несколько странных сентенций, одна загадочнее другой:

– Два года назад наша хваленая Международная служба контроля, она же Служба ИКС фактически прекратила существование, – поведала она, словно это было какое-то откровение или фраза, имеющая ритуальный смысл. – Служба почил в бозе вслед за своим российским филиалом. Но МСК или ИКС – это только имя, пустой звук в тишине. Организацию можно назвать и службой «изрек» и даже службой «зет», намекая на первую букву слова «зеро». Служба может превратиться в нуль, в дым, в ничто, но мы, Причастные, с этого нуля начнем и пойдем дальше. Понимаешь?

– Нет, – честно признался я. – Не понимаю.

– А все очень просто. Причастные – это ведь не звание и не должность, это... как национальность, даже еще глубже – как принадлежность к биологическому виду в животном мире. Поэтому Причастные и не могут отказаться от своей миссии, – терпеливо объяснила Татьяна и добавила: – Даже если они сидят в Берлине и пишут романы на французском языке.

– На английском, – автоматически поправил я. – По-французски писать мне пока еще слабо.

– Какая разница! – буркнула она.

И вправду разницы никакой. Просто камушек был брошен в мой огород. Это я, один из Причастных, демонстративно ушел от дел надолго, вернулся к литературным занятиям и свой последний роман действительно сам переводил теперь на английский, откровенно вызывая на поединок тень великого и горячо любимого мною автора «Лолиты». Нет, это была еще не паранойя, но что-то вроде. «Уж если убежать от проблем внешнего мира, – рассуждал я, – так убежать основательно».

А убежать хотелось, особенно после того экстравагантного приключения прошлой зимой, когда они все-таки выдернули меня из иллюзорной пасторальной тиши и, бросив в самое пекло, заставили вновь работать во имя и на благо. Чего? Я не успел понять, я тут же выкинул все из головы и вернулся к роману. Между прочим, титанический этот труд начат был еще в девяносто шестом в Ланси, под Женевой. Далеко не закончив рус-

ского варианта, я уже стал перетолмачивать первые главы романа на английский – сам не знаю, для чего, так, хохмы ради, серьезное понимание пришло позже. Однако большую часть последнего, как и предыдущего года я прожил – Татьяна была права – в Германии.

И вот теперь она попрекнула меня и Берлином, и романом. Оказывается, у нас у всех есть миссия, про которую никак нельзя забывать. Ах-вах!

– Хорошо, Верба, – смирился я, даже не пытаюсь больше возражать ей.

Впервые с момента нашей встречи я назвал ее этим условным именем, как бы подчеркивая наше взаимопонимание и «братство во Причастности».

– И что же мне надлежит теперь делать? Опять руководить?

– Нет, Ясень, – сказала Татьяна, – руководить не надо, как и раньше, впрочем. Надо просто найти ответ.

– На все вопросы сразу, – предположил я почти всерьез.

– Лучше на один, но самый главный, – она грустно улыбнулась и вытащила из маленькой сумочки дискетку в прозрачной твердой упаковке.

О, дьявол! Дискетка была черная с золотом, фирмы «Макселл».

– Та самая? – решил уточнить я, хотя уже понял наверняка и сразу: это именно она.

Верба кивнула.

– И зачем же ты таскаешь с собой такое сокровище?

Темнеющий на глазах океан вдруг заворчал глухо, тревожно, и, как мне показалось, злобно, а притихшая было стрельба за горами вспыхнула с новой силой, автоматы застучали ближе и чаще. Татьяна терпеливо дождалась относительной тишины и ответила:

– Я взяла дискету с собой именно потому, что здесь и сейчас есть шанс прочесть информацию по-новому.

Ну, наконец-то ответ был получен. Значит, мы вдвоем притащились сюда, чтобы вот так вот запросто раскрыть древнюю и страшную тайну. Весело. Как говорят англичане, полный чайничек рыбы. Беда заключалась в том, что я совсем не надеялся поймать золотую рыбку даже в самом распрекрасном чайнике. Я уже очень давно в эти сказки не верил. Точнее не верил никогда. Писатели-фантасты – они ведь ужасные циники и скептики. В реальной действительности никаких чудес на дух не переносят. А большинство людей, то есть читателей, этого не понимают и всякий раз очень удивляются. А чему тут удивляться? Ведь известно же, работники кондитерских фабрик терпеть не могут сладкого...

Три с лишним года назад весь научный центр Службы ИКС в Колорадо во главе с Тимоти Спрингером стоял на ушах месяца четыре, не меньше, пытаясь разархивировать безумный файл, записанный кем-то на самый простой магнитный носитель, но, к сожалению, совершенно непростым способом. Существование файла подтверждалось, он даже копировался на что угодно, он позволял присваивать себе новые названия, многократно ужиматься при дальнейшем архивировании и только одно оказывалось невозможным – считывание, то есть перевод информационного массива в удобочитаемый двоичный или какой угодно другой код. Лучшие умы в информатике и кибернетике к исходу третьего месяца признали «дискету Сиропулоса» самой невероятной шуткой за всю историю науки и торжественно поставили крест на практическом решении этой проблемы, тем более, что сам Никос Сиропулос, вручивший пресловутую дискету Вербе от имени предыдущего шефа Международной службы контроля Фернандо Базотти, умер раньше, чем успел что-либо рассказать. Сиропулос отошел в мир иной тихо, без эффектных жестов и постороннего вмешательства, что, впрочем, не исключало возможности подобного вмешательства на более ранних этапах. Провели вскрытие. Никаких следов отравления или иной насильственной смерти не обнаружили.

Следствие по делу о дискете быстро зашло в тупик. Вообще вся история со стариком Базотти, расстрелянным своей преемницей Татьяной Лозовой непосредственно в гробу

шестью серебряными пулями и без того носила жуткий мистический оттенок. Обычные специалисты из оперативно-следственного отдела Службы не очень-то и хотели соваться в подробности «нечистого» заговора и «святой» мести. Юристы в таких категориях не работают. Другое дело – врачи. Эти проявили, конечно, известный интерес к феномену. Бывшего начальника ИКСа Фернандо Базотти по прозвищу Дедушка высоколобые психиатры признали стопроцентным параноиком, собравшим и вокруг себя не совсем здоровых людей с разной степенью психотических отклонений. Правда, саму Татьяну сочли абсолютно здоровой. Испугались, наверно, высочайшего гнева. Дядюшке Джо, ну то есть Иосифу Виссарионовичу, тоже, рассказывают, никто не решился сообщать, чем он на самом деле болен. (Миленькое получилось сравнение. Однако по масштабам власти две столь непохожих фигуры – Сталин и Лозова – сопоставимы, как это не смешно покажется кому-то).

На том бы все и закончилось. Но внезапно к делу о «дискете Сиропулоса» подключился ни кто иной, как великий гуру Свами Шактивенанда. Ну, а как же иначе? На стыке физики, медицины и философии именно и только Анжей Ковальский – таково было настоящие имя гуру – мог нашарить что-то путное. Он и нашарил. Дискету Анжей принялся читать глазами. Скорее всего не первыми двумя, а третьим, четвертым или сколько еще их там у него было. Ведь открыв что-то, гуру редко останавливался на достигнутом. Касалось это и открывания всевозможных глаз.

Я его видел тогда, в момент изучения проклятущей дискеты, и уж не знаю, в каком месте положено у них, у «гуров» открываться дополнительным глазам, но в данном случае чувствительный элемент располагался, похоже, на кончике носа. Шактивенанда скорее обнюхивал дискету, чем разглядывал ее. Ну, спасибо еще на зуб не пробовал!

Резюме однако получилось сильным.

– Эту дискету можно будет прочесть, – объявил великий ученый, не считающий себя магом. – Прочесть можно. Но исключительно в **точке сингулярности**.

– Постойте, – вспомнил я. – Точка сингулярности – это что-то из физической химии. Причем здесь?

– Не знаю. – ответил Шактивенанда скромно и явно не желая вдаваться в объяснения термина. – Я прочел это здесь. – Он показал на дискету. – Так сказано. Без комментариев.

– Еще раз. И помедленнее, – попросил тогда Тимоти Спрингер, буквально ошалевший от выводов гуру. – Где именно вы прочли эту информацию?

– Эту информацию я прочел на интересующей вас дискете. Там был такой маленький самостирающийся **ментальный** файл типа «read me». Файл, стирающийся в случае прочтения. Я прочел его. Просто как инструкцию без подробного комментария. Теперь я буду думать над ее смыслом. Вы тоже можете думать. Сингулярность понятие достаточно широкое, проведите поиск по всему спектру значений. Вам дали ключ, а ключи к закрытым дверям никогда не выдают случайно. По крайней мере такой серьезный человек, как Базотти рассеянностью не страдал даже в последние дни своей жизни.

Вот, собственно, и все, что сообщил тогда почтенному собранию гуру Свами Шактивенанда. А после замолчал надолго. Вытрясать из него дополнительные сведения и даже самым мягким образом поторавливать никто особо и не намеревался. Среди Причастных слишком хорошо знали, насколько это бесполезное занятие. Однако, вопреки ожиданиям многих, информация Анжея Ковальского не дала никакого нового импульса экспертам научного центра. Энтузиазм их окончательно увял, а Тимоти Спрингер лично заявил, что само понятие «ментальный файл» представляется ему абсурдом, Прочтение же злополучной дискеты "шестым глазом на носу в черт знает какой **особой** точке " – тем более нелепо. На том и закрыли тему.

Слово *singularis* действительно означает на латыни «особенный, редкий, единственный», но я, решив освежить в памяти знания студенческой поры, заглянул в учебник по химии и прочел там следующее: «**Точка сингулярности** или **сингулярная точка** на диаграмме состояния вещества отвечает образованию в системе соединения постоянного состава. Иными словами, на кривой «состав – свойства» это максимум, в котором происходит разрыв первой производной свойства по составу». Ну и что могла мне дать вся эта дивная информация? Ничего. У физиков наверняка была своя сингулярность, у биологов – своя, у социологов – своя. Пусть Ковальский сам из симбиоза всех наук извлекает мистический смысл. Он эту ерунду придумал – ему и распутывать. Короче, тему действительно закрыли.

И все бы хорошо, если бы не одно маленькое, но существенное недоразумение. После «обнюхивания» дискеты Шактивенандой, объем нечитаемой информации на ней уменьшился ровно на 2048 байт. Что особо примечательно, произошло это одновременно и во всех копиях. На основании столь невероятного факта несколько фанатиков продолжили изучение феномена. Все-таки наметился как будто некий серьезный сдвиг, если учесть, что до того частичное стирание файла в копиях было принципиально невозможным – только полное, а оригинал оказывался и вовсе не стираемым. Эксперименты по сжиганию или скажем растворению одного оригинала, никто, разумеется, проводить не решился.

В общем, уже через месяц после исторического откровения гуру, Спрингер заявил, что сойдет с ума, если будет продолжать работу над этой чертовой загадкой. Главное, он не видел в ней никакого практического смысла. «У нас с вами что, других проблем нет? – распялся бывало старик Тимоти на закрытых совещаниях в самом узком кругу. – Ну, в конце-то концов, у одних сообществ считаются символами власти меч и дубовые листья, у других – скипетр и держава, у третьих – серп и молот... А мы с вами выбрали перстень и дискету. Так ли уж важно знать химический состав ритуального предмета? Какая вам разница, что там написано?! Главное – признавать авторитет первого лица и соблюдать внутренний распорядок службы».

Но вот как раз с внутренним распорядком и вышла накладочка.

Практически одновременно с завершением работ по проекту с романтическим названием «*Readme*», то есть «Прочтименя» в одно слово, первое лицо в «сообществе перстня и дискеты» Татьяна Лозова объявила о реорганизации Службы ИКС, в частности, о сокращении аппарата, о сужении круга охраняемых персон и соответствующем уменьшении численности личного состава подразделений внутренней безопасности. Наконец, было принято решение о полном переводе диверсионно-разведывательных групп под юрисдикцию федеральных служб США, Западной Европы и Японии. А агентурная сеть ушла в прямое подчинение Фонду Би-Би-Эс, то есть тому самому прародителю службы ИКС – изначально созданному гуманитарному фонду Базотти, Балаша и Спрингера. Меж тем, на текущий момент в живых оставался один лишь "С". И Верба автоматически стала соучредителем Фонда.

В общем, началась кадровая чехарда в лучших российских традициях худших периодов нашей истории. И чтобы как-то остановить этот зловерный процесс, директором-распорядителем Фонда был назначен Леня Вайсберг, меня же, не спрашивая, поставили одним из его заместителей. Ну, наконец-то справедливость восторжествовала. Какой я им, к черту, самый главный начальник?! Я вообще мечтал быть таким почетным членом. А по нечетным я предпочел бы сидеть дома и писать книги. Довольно скоро мне именно это и позволили. Жизнь потекла мирно и тихо. Я, правда, по-прежнему числился Сергеем Малиным, а не Михаилом Разгоновым. А для тех ненормальных в штаб-квартире в Майами и в Колорадском центре, вообще оставался Ясенем, Причастным и суперагентом, благо подго-

товочка была уже ого-го! Однако для себя и ближайших родственников стал просто писателем.

Возвращение домой, в смысле в Москву, пока не планировалось. Даже после бурного лета девяносто шестого, когда закончилась война в Чечне, а Ельцин на радость одним и на горе другим, вновь – или, как очень мило говорят не совсем грамотные люди, **обратно** – возглавил многострадальную Россию. Рановато оказалось приезжать в Белокаменную: люди-то кругом все те же, и попасть в лапы какой-нибудь из спецслужб было для меня более чем реально. Вот я и отсиживался в тихом городке Ланси вместе с сыном, женой и ее родителями. Потом мы втроем переехали в Берлин.

А потом оно грянуло.

Впрочем, я же хотел обо всем по порядку... Или не хотел? Память – хитрая штука, порою совсем неуправляемая. Вербка потревожила ее, извлекая на свет Божий почти забытую мною дискету. И всколыхнулось в памяти что-то огромное и злое. Я же не хотел больше знать никаких тайн, и если б Татьяна предупредила заранее, просто бы куда-то поехал.

– Неужели пора? – спросил я.

– Похоже, что да. Точка сингулярности – это понятие одновременно пространственно-временное и ментально-психологическое.

– А-а-а, – протянул я, болезненно морщась от ее последних слов. – Однажды я, помнится, уже охотился за свирепым ментальным бармалеем. По-моему, ничего хорошего не получилось. Пустое и даже вредное занятие.

– Значит, придется поохотиться вновь, – строго сказала Вербка.

– А тебе не кажется, что дело Грейва начинается поразительным и самым наипротивнейшим образом напоминать дело Седого? Опять все тот же черный кот имени старика Конфуция, которого надо ловить в абсолютно темной комнате, особенно...

– Не объясняй так длинно. Предыдущий кот был больше похож на мерзкого опоссума. И был пойман, хотя и сдох до этого сам. Нового мы тоже выловим. Такая уж у меня профессия – убивать крыс. Я выросла в советской стране и воспитывалась на книгах «Как закалялась сталь» и «Овод». Павку Корчагина оставлю в покое, а вот Ривареса процитирую: «Единственное достойное занятие – убивать крыс».

– Должен заметить, весьма вольная цитата, Танюшка, – проворчал я, однако беззлобно.

Спорить не хотелось. Стрельба стрельбой, а настроение было по-прежнему удивительно мирным. И все-таки я обернулся. Мимолетно, косо. Увидел на горе красиво подсвеченный особняк, целый дворец с воротами, с резными стенами, с башенкой, увенчанной красным неоновым маячком на телевизионной антенне, и сказал:

– А ты знаешь, что вторая жена шейха Шарджи – итальянка. Вон ее дом на горе. Видишь? По-моему, очень красивый.

– Ясен, ты бредишь, – испугалась Вербка. – Какая жена шейха? Мы же в Калифорнии. Посмотри на баночку у себя в руках. Да в эмирате Шарджа не только нельзя пить пиво, его даже провозить туда запрещается.

– Ну, значит, это уже расстреливают тех, кто незаконно пил пиво, – мрачновато пошутил я. – Скоро и до нас доберутся.

– Там никого не расстреливают, – проговорила Татьяна с непонятным выражением.

Я огляделся. Теперь уже обстоятельно. Сверкающий огнями береговой отель выглядел вполне стандартно: «Хилтон», он и в Африке «Хилтон». Но вот узанный мною замок на горе был далек от калифорнийских традиций. Растительность по склонам, скалы, песок – все это гораздо больше напоминало Аравию, притом что летел я, безусловно, в Америку.

Теперь-то уж точно вспомнил: рейс был до Сан-Франциско. И сомнения в реальности происходящего закрались капитальные. А добило меня тяжело вздохнувшее неподалеку животное. Там, где мы оставили лошадей, поднимался с колен – сначала задние ноги, передние потом – огромный одногорбый верблюд в ярко-голубой шелковой попоне с надписью по-арабски «Океанский отель». Было уже почти темно, но не настолько, чтобы перепутать верблюда с лошадьёю, а причудливую арабскую вязь с латиницей.

Вокруг нас был именно Кхор-Факкан – чудный курортный городишко на берегу Оманского залива.

Однако в чудных курортных городишках убивают порою так же хладнокровно, как и в больших грязных мегаполисах. Моя правая рука, привыкшая жить собственной жизнью, уже стискивала рукоятку «ТТ». Вербка коротко обернулась и миг поняла все, точнее, поняла что-то свое.

– Убери этот музейный экспонат и достань у меня из сумки «узи», – буркнула она.

Я послушно выполнил приказ, а Вербка тем временем быстро извлекла свой миниатюрный ноутбук и тихнула в дисковод нашу вселенскую загадку.

Океан взревел. Налетел сильнейший порыв ветра, нас забросало солеными брызгами. Верблюд протрубил жалобно и громко, как слон. Стрельба за горами усилилась, точнее, из-за гор уже слышалась канонада, а перестрелка, довольно беспорядочная, сместилась куда-то к самому отелю. Я тут же залег и, поводя стволом, напряженно шарил глазами в полумраке. Однако никакой активности в зрительном ряду не наблюдалось – только звуки. Экран компьютера слабо светился. В глазах Татьяны плясали безумные искорки.

– Все, – сказала она вдруг. – Автомат можешь убрать.

– Почему? – спросил я тупо.

– Потому что сейчас нам ничто не угрожает.

– Да, но ведь эти арабы уже совсем близко, – не понял я. – Хоть на всякий случай...

– Это не арабы, – перебила Вербка. – Это тон-тон-макуты, то есть тьфу!.. эти, как их... ирландские оранжисты. Они попали в чеченскую засаду, и, к сожалению, мы не сумеем помочь им. Мы же в Калифорнии, а они у себя.

Сказать ей, что теперь бредит она, было бы слишком примитивно и даже неостроумно. Я убрал оружие и предпочел промолчать. Потом демонстративно поднялся во весь рост, сделал большой глоток пива и начал расстегивать рубашку.

– Тогда самое время пойти искупаться, – такую глубокомысленную фразу придумал я в ответ на весь поток ее абсурдной информации.

– Нет, – резко возразила Татьяна. – Купаться теперь уже тоже не получится. Видишь ли, Ясень, здесь не Америка и не Эмираты, не Ирландия и даже не Чечня. Мы угодили в самую точку сингулярности.

– Куда?! – не поверил я.

А потом посмотрел еще раз на океан и в ту же секунду все понял.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВИРТУАЛЬНЫЙ БУМЕРАНГ

Глава первая ЯЙЦА ВСМЯТКУ

Грохот был очумительный. Будто с крыши двухэтажного дома напротив уронили контейнер с мусором. Это уже потом Тимофей часто вспоминал, что именно такая дурацкая ассоциация первой пришла ему в голову, хотя тяжеленные контейнеры никто и никогда на подобную высоту не поднимает – наоборот в них по ходу бесконечного ремонта, случается, бросают всякий хлам из верхних окон. Как-то раз швыряли с утра и до обеда – работать невозможно, хоть ты тут сдохни. А сейчас грохот был существенно масштабнее, несуразнее, да и время, прямо скажем, нерабочее – полночь без двадцати. Если честно, Тимофей сразу понял, что произошло, еще до того, как заорала сигнализация. Но, упрямо не желая смириться со страшной мыслью, мозг изобретал абсурдные объяснения случившегося. Сигнализация-то орала простенькая – допотопный «аларм» за двадцать долларов вместе с установкой – в этом пижонском переулке возле Курского вокзала ни у кого такой больше и не было. Так что вывод напрашивался сам собою.

Кажется, Маринка подлетела к окну первой. Но какое это имело значение? Время все равно как будто остановилось для них обоих. Маринка превратилась в соляной столб, словно жена Лота, а сам Лот, то бишь Тимофей, только выдохнул с непонятной, будто злорадной интонацией:

– Точно! Наша.

И ринулся ко входной двери. Ломанулся как был в одних спортивных трусах и старых стоптанных вьетнамочках на босу ногу. Ведь сидели, чай пили. Окна нараспашку, жара, даже ночью не ослабевшая, умиротворение, покой, хорошо так сидели...

В любой другой ситуации глупее бы не было лететь на разборку с долбанувшим тебя водителем, не только не прихватив чего-нибудь тяжелого, но даже не обувшись, однако, специфика данного случая заключалась в одной простой вещи: окна их квартиры выходили аккуратно на отделение милиции, перед которым все и произошло.

В действительности не так уж и сразу вылетел Тимофей Редькин из квартиры. Тоже постоял столбом каких-нибудь три-четыре секунды, пялился в окно, словно замороженный. Не каждый же день видишь, как твою машину уродуют, да еще вот так! Оба автомобиля замерли, словно боксеры в клинче. Покореженный металл, осколки на асфальте, дымится что-то – в тусклом свете фонарей и не разобрать, что за марка у обидчика. Но Тимофей успел увидеть еще сверху, как изо всех четырех дверей выскочили молодые ребята и дружно драпанули во двор. Вопрос о том, что злостный нарушитель может слинять с места аварии на своих колесах, по сути, и не стоял, но все равно почему-то думалось, что следует спешить. Куда? Зачем? Ну, мало ли!

Пока он ссыпался вниз по лестнице, не было еще ни обиды, ни досады, ни злости даже, был какой-то звериный охотничий азарт: догнать, задержать, в милицию их всех, в милицию! А уж там разберемся. Спасибо, хоть ключи от машины Тимофей не забыл на бегу схватить, они, как всегда, лежали в прихожей на *фортельяне*.

Так у них в семье было принято говорить после совместного прочтения в журнале «Проза Сибири» романа Павла Кузьменко «Катабазис». «Фортельян – это такой большой черный пианин», – объяснял автор на первых же страницах своего выдающегося произведе-

дения в стиле постмодернизма. Тимофей с давних пор любил всевозможную авангардную литературу – Аксенова, Довлатова, обоих Ерофеевых, Владимира Сорокина, Егора Радова. Так что не всеми замеченный роман Кузьменко сразу сделался его настольной книгой.

Но самый лихой авангард и постмодернизм ожидал эстета Редькина непосредственно на улице, куда он не то чтобы даже выбежал, а скорее вывалился, потому как бегать во вьетнамках – последнее дело, знает любой. В общем, нога за порог, тапочек в подъезде, руки вперед, спасибо не носом по асфальту, но коленки все равно в кровь, особенно правая. Плевать, плевать! Главное – вот оно. Зрелище.

И откуда столько зевак летом, в полночь, в центре Москвы? Некоторые с собаками вышли, чинно так прогуливаются, деловито осматривают картину происшедшего. А картина впечатляющая. Картина достойна кисти мастеров если не Лувра, то уж Малой Грузинской – это точно.

Черная и весьма приличная на вид тридцать первая «Волга» въехала в зад редькинской «Нивы-Тайги» под углом и смяла новехонький кузов цвета «спелая вишня» по диагонали. Арка заднего правого колеса буквально вонзилась в крышку, выдавленное стекло дверцы багажника, чудом не разбившись, висело не столько на резинке, сколько на честном слове. А морда «Тайги» вцепилась в морду редькинского же старого «Москвича», помяв бампер, расколов решетку, и, вне всяких сомнений, пробив паянный во многих местах и потому хрупкий радиатор. Мало того, «Москвич» боднул еще и стоявший позади «Фольксваген-Пассат» едва ли не девяносто седьмого года, сверкающий новизной, чистотой и прочим великолепием. Правда, теперь великолепие несколько пострадало спереди от корявого, заляпанного краской и грязью заднего бампера «Москвича». Неумытая русская попка глубоко въехала в мягкое и незащищенное лицо германского аристократа, лишив его обоих глаз. Что и говорить, зрелище!

Сама же «волжанка» пострадала, похоже, сильнее всех: крышка капота вздыбилась корявой жестью, треснула в отдельных местах, из-под нее обильно валил дым. При ближайшем рассмотрении, впрочем, выяснилось, что угрозы пожара нет – это электролит из раздавленного в лепешку аккумулятора разъедал, не ленясь, все подряд. А лобовое стекло машины-тарана покрылось густой сеткой трещин.

В дополнение к этому дивному пейзажу посреди мостовой лежала карикатурно большая пружина, словно кто-то разломил в небе гигантскую шариковую ручку с кнопкой. Тимофей даже не сразу догадался, что это пружина амортизатора от его передней подвески. Затем как-то машинально поднял ее, подошел к несчастной изуродованной «Тайге», отключил противно кричащую сирену и, не без труда открыв перекошенную дверцу, бросил оторвавшуюся деталь внутрь.

И в этот самый момент из дворов, с той стороны, куда умчались волговские ребята, отчетливо раздался выстрел.

– Ни фиги себе! – прокомментировал парень со здоровенным черным терьером. – Они уже стреляют.

– Кто они? – автоматически спросил Тимофей.

– Менты, – ответил парень. – Они же за этими уродами побежали. Вы разве не видели?

– Нет, – сказал Тимофей.

– А думаете, поймают? – спросила Маринка.

Она уже стояла рядом, нервно вцепившись в голую руку Редькина.

– Думаю, да, – ответил парень со знанием дела.

Черный терьер смотрел на чету Редькиных из-под косматых бровей и явно соглашался с хозяином.

Тимофей не знал, о чем говорить дальше. Он даже не знал, что вообще надлежит делать в подобной ситуации. Просто затравленно озирался по сторонам и ждал.

– Это ваша машина? – участливо спросил парень в очках.

Вопрос был дурацкий. После того, как Редькин у него на глазах отключал сигнализацию и открывал дверцу собственным ключом, можно было спросить о чем-нибудь поумнее. Но на иронию не осталось сил, и Тимофей просто ответил:

– Да.

А Маринка добавила зачем-то, словно хвастаясь:

– И не только «Нива», но и «Москвич».

– Сильно, – оценил парень и любопытствовал: – А «фольксваген»?

Вот тут уже чувство юмора возобладало в Редькине над бесполезным унынием и он сообщил с предельной серьезностью:

– Ага. И «Волга» тоже наша.

Парень открыл было рот, но потом коротко хохотнул и отвязался.

«Сколько же это все будет стоить? – неотвязно крутилось теперь в голове у Тимофея. – Сколько деньжищ уйдет!»

Собственно, это было единственной нормальной мыслью, посетившей его голову после страшного удара в ночи. В первые секунды мыслей вообще не возникало – одно отчаяние да иррациональный страх. Ситуация складывалась слишком уж непривычная, а к тому же события продолжали развиваться бурно и совершенно непредсказуемо.

Ни Тимофей, ни Маринка еще не придумали, идти ли им сразу в милицию, стоять здесь и караулить свою собственность, или же, наконец, вернуться домой, чтобы переодеться, а машину доверить этому любопытному и вроде вполне симпатичному соседу с черным терьером. Маринка ведь тоже выскочила в чем была – в этакой трикотажной майке до колен, спасибо, хоть темной, а вообще, скорее уж это ночная рубашка, чем летнее платье. И кроме всего, не терпелось позвонить кому-нибудь из опытных друзей. Тимофею в таком вопросе Маринка довериться не могла, да и сам он себе доверял слабо. Однако супруги еще даже не успели обменяться сколько-нибудь значащими репликами, когда из глубины двора, тяжело дыша и громко матерясь, выдвинулась целая процессия. Шестеро милиционеров (они бы еще целый взвод на подобную операцию бросили!) вели троих нарушителей. Странно! Убегали-то вроде четверо, выходит, один слинял.

Все трое задержанных были мальчишками лет по семнадцать-двадцать, не слишком трезвыми и весьма дебильного вида. Четверо блюстителей порядка, те, что в форме, выглядели, вообще говоря, под стать ведомым хулиганам. Или уж это Редькин, злой на весь свет, смотрел и на милицию недоброжелательным взглядом. Только один оперативник, одетый в штатское, производил приятное впечатление культурного человека. А другой, с расстегнутой кобурой на поясе обычных летних брюк, был вообще персонаж колоритный. Молодой брюнет с длинными кудрявыми волосами, мордастый, розовощекий, огромное пузо, на котором буквально расплзалась рубашка, и небрежно закатанные рукава. Все это еще с грехом пополам могло соответствовать облику киношного частного детектива откуда-нибудь из Марселя или Гетеборга, но уж никак не вязалось с представлением о внешности сотрудника советской, то бишь российской милиции.

Задержанных провели мимо разбитых машин, торжественно, словно пленных немцев. К пострадавшим никто из этой шумной компании интереса не проявил, и все они уж совсем было скрылись во внутреннем дворике отделения, когда на Т-образном перекрестке резко тормознула девяносто-девятка цвета «мокрый асфальт» со всеми мыслимыми наворотами типа пластиковых фартуков под бамперами, антикрыльев, жалюзей, электрзеркал, всевозможных антенн и прочего.

Дверца распахнулась, выскочил молодой коренастый парень с лихими вихрами и небрежно окликнул толстого милиционера:

– Борисыч! Это что, мою машину так уделали?

- Похоже, что да, – согласился Борисыч. – Ты хоть знаешь, кто за рулем сидел?
– Знаю, – ответил приехавший на пижонском «жигуленке». – Вот этот!

И показал на длинного, жалкого, с тонкой шеей и нечесаной головой паренька, настолько пьяного, что он вряд ли мог бы хоть слово возразить.

– Но ты имей ввиду, Борисыч, угона не было. Я ему сам машину дал. Так что все в порядке.

– Ладно, – кивнул курчавый и мордастый Борисыч, явно старший в опергруппе, и они, наконец, скрылись за углом отделения.

А веселый хозяин разбитой «волжанки» кликнул наружу дружка, приехавшего вместе с ним, и оба стали ходить вокруг своего разбитого сокровища, цокая языками и хохоча.

– Ну, Сашка дает! Отремонтировать взял! Классно отремонтировал! Круто. Не, ну это просто атас!

Тимофей, наконец, не выдержал и спросил:

– А чего вы, собственно, ржете?

Тут двое из девяносто-девятки наконец обратили на Редькиных внимание. Оценили изысканный наряд супружеской пары и догадались:

– А, так это ваша «Тайга»!

– Угу, – сказал Тимофей.

– «Москвич» – тоже, – упрямо напомнила и на этот раз Маринка.

– Ну, эту-то рухлядь можете сразу местной шпане подарить. Ее отсюда увозить дороже встанет, чем за металлолом дадут, а по поводу «Тайги» готовы поговорить с вами.

– О чем?! – не понял Тимофей, ошалев от такого натиска.

– Игорь, – отрекомендовался парень. – А это мой друг Федя. Мы занимаемся кузовными работами. И вообще кузовами. У вас же машина под замену кузова. Сколько ей? Год? Или совсем новая была?

Это он точно сказал: была. Совсем новая. Только в этот момент Тимофея по-настоящему кольнула обида. Ведь недели не прошло, как пригнал из магазина! Так он и сказал этим орлам в расчете на понимание. Мол, мужики, платить придется, и немало.

Но мужики проявили совсем другое понимание. Тараторили оба без умолку. Весельчак Игорь уже точно посчитал, во что выльется ремонт, и сделал категорический вывод:

– В общем, друзья мои, легче продать ее по остаточной стоимости и покупать новую. Я вам как специалист говорю. Подумайте. Вот мой телефон. Мы у вас купим эту грудку металла с запчастями внутри. На раз купим. И цену хорошую дадим. А на битой тачке ездить – последнее дело, хлопот не оберешься.

Игорь протянул бумажку с телефоном, а Федя уже ничего добавлять не стал, только стоял рядом и кивал, как китайский болванчик.

Тимофей кисло улыбался.

– Спасибо, ребята. Мы подумаем.

Маринка вошла в ступор и поддерживать беседу была физически не способна. С нею такое частенько случалось в подобных ситуациях. Но однако же именно Маринка, а не Тимофей вскинулась вдруг, когда шустрые ребята заторопились и, продолжая хихикать, полезли обратно в свою тачку, из распахнутых дверей которой по-прежнему громко и бесцеремонно рвалась веселая музыка.

– Э-э! – она инстинктивно вытянула вперед руку, словно прося о помощи. – А-а... а хозяин? Кто хозяин... вот этой, разбитой?..

Прозвучало совсем нелепо. Неразбитых машин на весь переулок была одна. Но Игорь и Федя, конечно, поняли, о чем речь. Только с ответом не торопились. Маринка вконец растерялась.

– Кто хозяин? – повторила она. – Милиция, суд...

Слова подбирались с трудом, будто на иностранном языке.

– И в милиции, и в суде отвечать будет вот этот козел Сашка, – Игорь сказал, как отрезал. – А я... – он замялся, – я не совсем хозяин, так что... Адье! Звоните, как надумаете.

И они быстро укатили.

«Вляпались, – подумал Тимофей. – Опять куда-то вляпались».

Он только никак не мог понять, куда именно, и у него до противного знакомо заняло под ложечкой.

Кто-то из соседей подсказал Редькиным, что пора идти в милицию.

– В таком виде? – спросил Тимофей.

– Какая разница? – огрызнулась Маринка. – Не на бал же приглашают.

На бал не на бал, но Тимофей вдруг почувствовал, что стесняется. Чье-то мнение здесь, в переулке, было небезразлично ему. Чье же? Он обвел потерянным взглядом собравшихся соседей и прохожих, которые, несмотря на поздний час, совсем не думали расходиться, будто самое интересное было еще впереди, и в одно мгновение понял, в чем дело. Сверкнувшие из темноты глаза обожгли его, словно луч лазерного прицела.

Да, он увидел *ее* еще в тот момент, когда поднимался с асфальта, не чувствуя боли и не думая ни о чем, кроме собственного автомобиля. Тогда она была всего лишь красивой деталью, по прихоти гения помещенной в уголке грандиозного трагического полотна. Собственно, Тимофей и после то и дело любовался изящной девичьей фигуркой, но все время невзначай, попутно, на бегу. Так водитель, вынужденный постоянно следить за дорогой, отмечает боковым зрением прекрасных незнакомок, стоящих в ожидании зеленого света у края тротуара. И только теперь Редькин сфокусировал глаза на девушке и перехватил ее взгляд.

Две спелых мокрых вишни улыбались ему из под игривой антрацитовый челки. («Спелая вишня» – цвет его машины! Отсюда и образ вылез.) Гладкая, смуглая от недавнего загара кожа казалась при ночном освещении почти по-негритянски черной, а носик был маленький и остренький. Между очень тонких губ молочной белизны сверкала полоска ровных красивых зубов. Грациозная шея, божественно покатые плечи, маленькая твердая грудь под почти прозрачной белой майкой и восхитительная линия бедер, подчеркнутая блестящими бордовыми лосинами. Тонкая ткань была до такой степени облегающей, что в пароксизме неуместного возбуждения, охватившего Тимофея, он вдруг подумал: «Э, да у нее ж под этими лосинами и трусиков нет!» Редькин пожирал глазами юную прелестницу с бесстыдством и жадностью. В другое время Маринка непременно перехватила бы такой взгляд супруга и ядовито откомментировала подобное поведение. Но сейчас, похоже, не замечала ничего. А Тимофей таял, забыв обо всем на свете. Любые беды и несчастья казались полнейшей ерундой рядом с этим совершенством, тем более, когда оно так близко. Потрясающее ощущение! Ну, словно принял на грудь граммов двести пятьдесят хорошего коньяку. Столь приземленное сравнение внезапно отрезвило его. Тимофей вздрогнул, обернулся на Маринку, та в ужасе отпрянула, увидев идиотически счастливую улыбку мужа: уж не помутился ли Тима рассудком? А он открыл было рот для необходимых объяснений, но вряд ли сумел бы сказать что-то умное. В общем, никто не знает, чем это могло кончиться, если бы вдруг предмет его вождлений не подошел почти вплотную и не заговорил первым.

– Это вашу машину разбили? – прозвучал стандартный вопрос.

– Две машины, – выдала Маринка стандартный ответ.

– Чума, – констатировала девушка. – Сочувствую.

Только теперь Тимофей заметил, что под ногами у нее вертится некрупный, видимо, молодой ирландский сеттер. Славный такой пес. И очень кстати он попал в поле зрения. Ведь Редькину самое время было переключиться именно на собаку. На расстоянии ближе протянутой руки девичья красота уже не казалась волшебной-неземной и завораживающей, но

сексуальная ее привлекательность нарастала с пугающей быстротой. Лоб несчастного владельца двух разбитых машин покрылся испариной. Руки напряглись, борясь с собственным бредово-нескромным желанием прикоснуться к аппетитной девичьей коже. И кое-что еще начало напрягаться. Под трусами, к счастью, были плавки – старая спортивная привычка, – но все равно заметно же! И как это неуместно!

Он упорно смотрел теперь только на рыжую шелковистую шерсть ирландца и мучительно придумывал какую-нибудь нейтральную фразу. А язык сделался враз непослушным, во рту пересохло, и выдавить из себя удалось только три слова:

– Очень славный пес.

– Его зовут Патрик, – сообщила девушка.

– При чем тут пес? – не поняла Маринка. – Я тебе говорю: телефон запомни. Начало как у нас, а дальше – тридцать пять восемьдесят семь. Запомнил? Писать все равно не на чем. А у Юли отец в милиции работает, полковник, между прочим...

«Надо же, – подумал Редькин. – Оказывается, они тут о чем-то говорили. Познакомиться успели. А телефон бы, и правда, хорошо запомнить. И совсем не ради милицейского папочки...»

– В машине же блокнот есть, – спохватился Тимофей.

– Слушай, ты какой-то тормоз сегодня. Пошли. Нас в отделении ждут.

Редькин огляделся затравленно и с удивлением обнаружил, что нет уже поблизости ни прекрасной девушки Юли, ни ее рыжего сеттера с таким традиционно ирландским именем Патрик.

В общем, протокол Тимофей заполнял сидя в одних трусах и безразлично пытаясь удержаться на самом краешке деревянной скамьи, отполированной тысячами задов бомжей, проституток и «лиц кавказской национальности», отлавливаемых на Курском вокзале. Не очень-то хотелось касаться голыми ногами этой не слишком стерильной поверхности.

Водитель «фольксвагена» отстрелялся быстро. Претензий ни к кому не имел, в чем и расписался, заполнив все необходимые бумаги. А на словах по-простецки объяснил людям, что сам он шофер, что фирма за все заплатит, разбитые фары – ерунда, из-за них не стоит сыр-бор городить, а вот то, что лично не пострадал – так это просто чудо. Он, наверно, раз двадцать в присутствии Редькина пересказывал всем и каждому, как за пять, если не за три секунды до удара вылез через водительскую дверцу и, огибая свой автомобиль, прошел между «Москвичом» и «Фольксвагеном».

– Еще секунда – и ног бы у меня точно не было! – с восторгом сообщил он, сокращая вышеупомянутое время до минимальной величины.

Потом попрощался со всеми, как с родными, и покинул отделение, бормоча себе под нос:

– Есть все-таки Бог на небесах. Есть...

А вот Редькина местные дознаватели и подъехавшие из районного ГАИ инспектора мурыжили долго и нудно. Задавали массу никчемных, по его понятиям, вопросов.

Был, например, такой:

– Вы сидели в машине в момент удара?

– Нет.

– А почему ноги в крови?

Или другой:

– Почему забрали с проезжей части пружину амортизатора? Вы что, не знаете, что на месте аварии до прибытия ГАИ и милиции трогать ничего нельзя?

Во, бред-то! Как же она могла лежать посреди дороги в течение доброго часа?

Вообще, много было интересных вопросов. Редькин потихонечку переставал понимать, кто здесь пострадавший, а кто нарушитель, если не сказать преступник. Преступников, кстати, приводили в чувство где-то в соседнем помещении. Обезьянником его, что ли, называют? Перепившиеся ребята были пока не способны давать показания. По такому случаю, наверно, доблестные ревнители закона и отыгрывались на Тимофее.

В какой-то момент он встал и решительно заявил:

– Мне надо в туалет.

– Как выйдете, по коридору направо и до конца, – предложил старший лейтенант.

– Нет уж, я домой схожу, заодно и оденусь.

И откуда такая наглость взялась? Наверно, просто от злости. Уж очень хотелось убедиться и всех вокруг убедить, что не задержанный он, а совершенно свободный человек. И Маринка, конечно, с ним вместе вышла. На улице спросила:

– Ты чего надумал?

– Ничего, – буркнул Редькин. – Очень писать хочется. А вообще-то надо Виталику позвонить. Проконсультироваться.

– И то верно.

Виталик Нестеренко, который в свои сорок два был автомобилистом с тридцатилетним стажем, на ночной звонок не обиделся, как только понял, что именно произошло. Собственно, Тимофей не первый раз звонил ему во внеурочное время на предмет неотложной техпомощи, ведь именно Виталик был крестным папой и лечащим врачом старенького «москвича», пострадавшего за компанию с «Тайгой». Как истинный фанат московского завода АЗЛК Нестеренко и сосватал Редькину «в минуту жизни трудную» за каких-то, смешно сказать, четыреста баксов очень неплохой экземпляр – пятнадцатилетнего старика с печально и неумолимо ржавеющим кузовом, но уникально маленьким пробегом в пятьдесят одну тысячу. Поэтому в первую минуту разговора они оба ритуально оплакали скоропостижно ушедшего железного друга (восстановлению тот, похоже, не подлежал), а уж потом принялись обсуждать главное – как жить дальше. Виталик надавал кучу полезных советов – и по машине и по общению с ГАИ. Тимофей даже духом воспрял, как будто от знания маленьких хитростей что-то могло всерьез измениться. Но в тот момент казалось необычайно важным и отследить правильность составления справки об аварии, и грамотно приступить к предъявлению претензий обидчику, и, наконец, наилучшим образом обезопасить на ночь разбитую машину.

Говорят, нарочито усложненный ритуал похорон люди придумали именно для того, чтобы отвлечь себя в трагические минуты от мыслей о самом страшном. Вот и Тимофей в суете мелких забот взбадривался и легко гнал прочь беспросветную тоску и страх, навалившиеся на него сразу после удара.

А оформление бумаг оказалось делом нудным и противным. Представитель районного отделения милиции и представитель районного управления ГАИ с невиданным энтузиазмом соперничали друг с другом в борьбе за высокое звание Самого Гнусного Мента. Тимофей Редькина за человека явно не считали – он являлся для них не более, чем субъектом права. Маринку вообще в упор не замечали, ведь она и на субъекта не тянула. Терпели ее присутствие – и на том спасибо. А вот с местными в дупелину пьяными шалопаями, включая самого гражданина Кусачева, того, что за рулем «Волги» сидел, милиционеры разговаривали хоть и грубо, но по-свойски, как со старыми друзьями. Каждый из этих уродов уже имел по несколько приводов в отделение, что странным образом роднило юных хулиганов со стражами порядка. Редькин же со своей супругой был абсолютно чужим на этом празднике жизни. Относительно молодой человек, работающий в собственной коммерческой фирме, имеющий роскошную квартиру в тихом центре и купивший пусть и отечественный, но все-таки новый автомобиль, в то время когда милиционерам в числе прочих шахтеров, учи-

телей и врачей месяцами задерживают зарплату – такой человек был явным представителем нарождающегося среднего класса, а значит, *классовым врагом*. Тимофей чувствовал эту глухую неприязнь с каждой минутой все острее. И едва завершив все формальности, поспешил уйти. Только молодому белобрысому лейтенанту рискнул задать неофициальный вопрос. Тот единственный проявил хоть какую-то долю сочувствия к чете Редькиных. Оказывается, он сам неделю назад приобрел новую «пятерку» и живо представлял себе, каково это – попасть вот в такой переплет. Тимофей поинтересовался, нельзя ли получить адрес и телефон гражданина Сашки Кусачева. Координаты хулигана лейтенант выдал сразу, но потом печально вздохнул и прокомментировал:

– Можете, конечно, и в суд подать, да только бесполезно все это. Брать с него нечего.

– Посмотрим, – солидно ответил Редькин.

И на этом первый раунд переговоров с милицией завершился.

Прошло больше полутора часов, народу на улице существенно поубавилось. Увлекательный процесс растаскивания «Волги» и «Нивы», сцепившихся деталями покореженных кузовов наблюдали уже совсем немногие. А когда они с Маринкой затягивали тряпкой и обвязывали не закрывающуюся в принципе заднюю дверцу, любопытных вообще практически не осталось. Никто больше не беспокоил печальных владельцев пострадавшей собственности. Все разошлись бай-бай. Ведь было почти два. Час быка. Самое тяжелое время для бодрствования у нормальных людей. Впрочем, трое молодых ребят еще мучили гитарные струны и пели что-то, сидя на краешке тротуара.

Один с гордостью сообщил:

– Мы тут вашу машину посторожили.

«На деньги, что ли, намекает?» – подумал Редькин.

Денег в подобной ситуации он не дал бы никогда в жизни. Не на того нарвались.

Потом из-за угла появился новый персонаж. Прилично одетый мужчина средних лет возвращался, видно, из гостей, судя по его нетвердой походке.

– О! – воскликнул ночной прохожий едва ли не радостно, озирая разбитое редькинское хозяйство. – Один удар – и яйца всмятку!

– Не было там яиц, – злобно буркнул Тимофей.

– А-а! Это твоя, что ли? Так чего ж ты злишься, мужик? – гоготнул добрый незнакомец. – Радуйся, что жив остался...

Отвечать не хотелось. По большому счету, прохожий был прав.

А дома Маринка попросила:

– Налей мне чего-нибудь. Успокоиться надо.

– Чего тебе налить? – тупо переспросил Тимофей.

– Ну, водка есть у нас?

А водки-то как раз и не было. Хранились в баре напитки посолиднее, для торжественных случаев предназначенные. И открытой оказалась только кашаса – это такой бразильский тростниковый ром. Умопомрачительную оплетенную бутылку Редькины прикупили по случаю во фри-шопе аэропорта Анталы.

– Кашаса есть, – сообщил Редькин. – Так ведь она тебе не понравилась.

– Какая разница? Нальешь, а?

В такой просьбе Редькин, конечно, отказать не мог. Достал два стаканчика для виски, плеснул граммов по семьдесят.

– А сам бы мог и не пить, – привычно буркнула Маринка.

Как правило, Тимофей в таких случаях обижался, делал вид, что сейчас выльет все в раковину, но потом все равно пил. Иногда, впрочем, и выливал, если в рюмке оказывалась какая-нибудь дешевая водка. А сейчас даже не среагировал. Они оба были совершенно поте-

рянные, неадекватные какие-то. Маринка собиралась пить что попало и непонятно зачем, а Тимофей как раз наоборот пить не хотел. Он так не любил. Уж если пить, так пить.

В столь поздний час случалось им иногда пропустить по рюмочке, но это, если вдруг решали тряхнуть стариной и перед сном в постели покувыркаться немножко. И то Тимофей норовил, заранее проведая планы Маринки, выпить хоть немного в одиночку, чтобы потом, откинувшись на подушку с бокалом в руке неторопливо довести себя до нужной кондиции. Без этого полноты ощущений не возникало. Но сейчас о сексе речи не шло. Ежу понятно. Значит, что? Просто принять маленькую дозу – как снотворное – и на боковую. Скучно.

И все-таки кашаса хорошо пошла. Маринка, конечно давилась и морщилась, запила лихорадочно апельсиновым соком (спасибо не томатным), комментировала: «Какая гадость!» Однако спать после этого ни ему, ни ей не захотелось. Выпили еще по две порции, абсолютно не хмелея, и просидели часов до пяти. Ложиться не очень-то и собирались, Маринка нервничала, предлагала дежурство установить и все к окну подходила, смотрела, не лезет ли кто в их разбитую «Ниву».

А говорили черт знает о чем. Соседей обсуждали. Потом мелкие дела по работе. Потом решали, рассказывать ли Вере Афанасьевне всю эту историю, как есть, когда на дачу приедут без колес, своим ходом. Все-таки она – человек уже немолодой, да и не очень здоровый. Потом стали перебирать всех, кто мог бы помочь с ремонтом – побыстрее и подешевле. Потом вообще воспоминаниям предались. И только совсем под утро, когда уже зримо стало светать и даже фонари в переулке погасли, Тимофей вдруг спросил:

– А как ты думаешь, почему нам разбили машину?

Маринка посмотрела на него дико, с непонятным удивлением и даже с обидой, словно он о чем-то совсем неприличном спросил. Затем помолчала и, вздохнув, ответила:

– Не знаю. Давай все-таки спать.

– Давай, – согласился Редькин.

Запас искусственной бодрости, вызванной действием бразильского напитка, иссяк. Начала болеть голова, и думать уже ни о чем не хотелось.

Маринка вдруг поинтересовалась, ни с того ни с сего:

– Что будем есть на завтрак?

Как будто именно это было теперь самым главным.

И уже Тимофей глянул на нее свирепо, а потом вспомнил последний эпизод на улице и предложил с мрачной улыбкой:

– Яйца всмятку.

Глава вторая ВЕРСИИ

Утром Редькин проснулся от неуместной эрекции. Во сне он видел Маринку, которая занималась сексом с их общим знакомым Константином Полозовым и уверяла его, Тимофея, что они все вместе вступили в клуб по обмену жен, говоря по-американски, в клуб свингеров. Тимофей из последних сил искал в этом сне жену Константина, чтобы на радостях трахнуть ее – уж группешник, так группешник, все должно быть по-честному. Однако Раисы нигде не было, даже намек не ощущалось на ее присутствие. Это расстраивало, но одновременно каким-то странным образом возбуждало. Поиски Раисы велись согласно абсурдным законам сна: Тимофей бродил по огромной квартире из комнаты в комнату и в каждой из них на диване, на ковре или в кресле обнаруживал совокупляющуюся пару, подходил ближе, приглядывался, и всякий раз это оказывались Маринка и Константин. При этом – мамочка родная! – чем они только не занимались! У иного сценариста порнухи фантазии не хватило бы...

Редькин взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что спал-то он всего каких-нибудь полчаса. А столько интересного успел увидеть! Но уже через секунду вспомнилось все произошедшее накануне, и от эрекции не осталось и следа. Тимофей подбежал к открытому окну, высунулся и автоматически отметил, что его свежекупленная и свежеизуродованная «Нива» стоит на прежнем месте и, похоже, никем больше не осквернена. Только после этого он обернулся на разобранную постель и осознал, что Маринки там нет. Супруга его, как выяснилось, не спала вовсе. А в настоящий момент пила растворимый кофе на кухне.

Сам Редькин растворимого терпеть не мог, даже лучших сортов и принялся заправлять кофеварку натуральным, молотым. Все проходило в мрачном безмолвии. Говорить друг другу «доброе утро» казалось чистойшей издевкой, а на более длинные высказывания сил не было. Маринка первой нарушила эту игру в молчанку.

– Позвони Полозову, – неожиданно сказала она.

Тимофей вздрогнул, спросил удивленно:

– Почему Полозову?

– Потому что он самый солидный человек из всех наших знакомых. Наверняка что-нибудь толковое посоветует.

– Нам машину надо чинить, – проворчал Редькин. – При чем здесь солидный человек Полозов?

– Нам для начала надо, чтобы кто-нибудь денег дал на этот ремонт, – жестко поправила Маринка. – А деньги еще вышибать придется. Ведь не просто так нам машину разбили.

Печальная мысль, однако справедливая. Конечно, Маринка была права. В стратегическом плане. Но тем не менее, новая машина, которая не едет – полнейший абсурд. И Редькин считал своим главным делом реанимацию автомобиля, а всяческие формальные и неформальные разборки, розыск и наказание виновных – это все потом. Вот почему первый утренний звонок ровно в девять он сделал все-таки Виталику Нестеренко. Тот еще ночью обещал подумать, кого же подключить к восстановлению редькинской «Тайги». Сам же маэстро за такое дело браться не собирался. Во-первых, весьма прохладно относился к «Жигулям» вообще, во-вторых, не считал себя жестянщиком. А это важно. Кузов чинить – дело специфическое.

Но, конечно, Виталик не подвел. Нашел доброго знакомого – некоего Вальку Бурцева, и сервис оказался относительно недалеко от Редькина – на Семеновской. Удачный вариант.

– Полозову позвони, – продолжала зудеть Маринка.

– Рано еще, – упрямылся Тимофей.

- Значит, оставишь информацию секретарше.
- Зачем? Смысл какой?
- Большой смысл. Позвони, говорю, ведь потом забудешь.

И Редькин сломался. Позвонил. В контору, конечно. Константин появлялся там обычно часам к одиннадцати, а то и позже, но в этот раз уже в десять оказался на рабочем месте. Как по Маринкиному заказу.

Разговор получился забавный. Не меньше двадцати минут пришлось излагать крутому бизнесмену-риэлтору трагическую суть происшедшего, после чего Тимофей услышал:

– Тяжелый случай, Тим. Либо это дурацкое совпадение, либо на тебя серьезные ребята наехали. Трудно сказать, не зная всех подробностей. Но в любом из вариантов, лично я тебе не помогу. У меня же «красная крыша». Понимаешь?

Тимофей в подобной терминологии разбирался не слишком здорово, но все-таки припомнил, что «красной крышей» называют опеку со стороны МВД или КГБ, а эти могучие ведомства всякой шелупонью, иначе говоря «серьезными ребятами» заниматься не станут.

– Ну, и что же мне делать? – потерянно спросил Редькин. – Умыться и про все забыть?

– Нет, – сказал Константин. – Я тебе дам сейчас телефон. Один мой хороший приятель занимается как раз мелкими бандюгами. Вербицкий его фамилия. Михаил Моисеевич. Пишешь номер?

Тимофей записал.

– Скажи, что от меня, передай привет, и будь осторожен. Не разрешай брать себя под крыло. Ты понял?

– Не совсем, – признался Редькин. – Твой Моисеич – сам, что ли, бандит?

– Нет, Вербицкий не бандит. Просто юрист от Бога. Однако какие структуры непосредственно будут трясти твоих придурков, догадываешься. Вот поэтому плата за выбитые деньги и должна идти только в виде процента от самой суммы. Как правило, просят половину. И никаких разговоров о взаимных услугах, о защите твоей фирмы или твоей семьи – тебе это не надо. Запомни. Бывают и более хитрые предложения: например, пострадавшему возвращают полную сумму, дескать, сейчас она нужнее, ремонт, то, се... А потом, говорят, браток, все что положено, вернешь нам частями из своей прибыли. Это и значит – взять под крыло. Или еще хлеще: тебе вообще помогают бесплатно и рассказывают, что весь навар получают с твоего обидчика. На такое ни в коем случае соглашаться нельзя. Где бывает бесплатный сыр, объяснять не надо?

– Не надо, – буркнул Редькин. – А вообще, Костя, ты сам-то как считаешь, реально бабки вернуть за все это безобразие?

– Реально, если не глупить и не жадничать.

"Ишь, ввернул! – обиженно подумал Редькин. – Когда квартиру покупали через фирму Константина, подколки по поводу жадности были дежурными. И не справедливыми. Очень многие люди своего родного языка не знают. Жадность – это стремление нахапать, а стремление сберечь свое – это скупость. Второе в гораздо большей степени свойственно Тимофею, и скупость он за порок никогда не считал. Впрочем, знал за собою другой недостаток – неистребимую любовь к дармовщинке. Халявщиком его со школьных лет звали. Но так ведь это тоже не жадность..."

А сейчас платить пятьдесят процентов Бог знает кому – обидно до соплей. Денежки, извините, приличные набегают. Неужели нельзя как-то по-другому?"

– А если через суд? – спросил он. – Чтобы все до копейки получить.

– Попробуй, – сказал Константин.

И Редькин словно воочию увидел, как Костя отваливается в кресле, пожимает огромными плечищами и, крутя в пальцах свой пышный ус а ля Тарас Бульба, скептически ухмыляется.

– Попробуй. Это тоже вариант, только волынка жуткая и еще учти: полная сумма по суду может оказаться меньше той бандитской половины.

– Да ну! – не поверил Тимофей.

– Я тебе говорю. Ну, ладно. Удачи. У меня тут клиенты пришли.

Маринка высказала гипотезу:

– А что, если это КГБ?

– С дуба рухнула, мать?

– Нет. Забыл разве, кем был мой отчим.

Отчим Маринки был отставным полковником ГРУ, угодившим в загадочную и зловещую историю в конце девяносто пятого. С его подачи Тимофей загремел тогда в КПЗ Лефортовского изолятора, едва не остался за решеткой на новогоднюю ночь, лишь каким-то чудом за шесть часов до боя курантов выпустили...

Впрочем, истории этой предшествовала еще и некая увертюра.

Месяцами тремя раньше в результате дурацкой аварии (матрас сорвался с верхнего багажника) Редькин убил на шоссе двоих человек, судя по всему, крупных уголовных авторитетов, гибель которых оказалась крайне выгодна именно для КГБ. Бывают же такие совпадения! Редькин узнал обо всем непосредственно от сотрудницы органов – некой импозантной девицы с ярко-рыжей шевелюрой и совершенно бесцветной, наверняка ненастоящей фамилией – Иванова. Иванова эта и арестовала его прямо там, на трассе, и там же отпустила. В конечном итоге, чудовищная авария просто сошла Тимофею с рук. Но вся жуть давнишней истории заключалась в другом: однажды ночью с пьяных глаз он проболтался отчиму (точнее, *тесчиму*, как Тимофей звал его: отец – отчим, тесть – тесчим) о случившемся на дороге, хотя и давал рыжей гэбэшнице клятвенное обещание молчать. И вот уже следующим утром его вызвали на Лубянку. Допросы вели странно, про убийство почти не спрашивали, зато о Петре Васильевиче Чуханове, то есть о тесчине, комитетчиков интересовало буквально все. Мало этого, еще через два дня рыжая деваха Иванова явилась к ним в дом. «Историческая» беседа старого грушника с юной чекисткой за закрытыми дверями проходила в отсутствие Редькина – он как раз еще в Лефортове парился, – однако Маринка не раз пересказывала ему все в подробностях, да и остальные свидетели обогатили сочными деталями нарисованную женой картину, так что Тимофею уже порой начинало казаться, что он все это видел и слышал самолично. После разговора, завершившегося звонком в Америку и внезапным обмороком Ивановой, появился второй сотрудник ФСБ, и они ушли вместе с тесчимом, успевшим переодеться в костюм, и даже галстук зачем-то нацепившим.

– Прощайте, – сказал Петр Васильевич в дверях, обернувшись к своему семейству.

Так и сказал: не «до свидания», а «прощайте».

И больше они его никогда не видели.

А примерно через минуту, в продолжение которой все четверо молчали, придавленные холодной жутью происшедшего, с улицы раздался громкий одиночный выстрел.

В Москве частенько стреляют, и это могло быть совершенно случайным совпадением. Однако Маринка тихо проговорила, удивляясь собственной реплике:

– Папу убили...

– Что ты такое говоришь, доча? Что ты несешь?!.. – запрчитала было Вера Афанасьевна, но внезапно умолкла, словно осознав нечто очень важное.

И в наступившей тишине подала голос взрослая, но иногда удивительно инфантильная дочь Тимофея и Маринки – Верунчик. И ее любимая фразочка – такая обычно несерьезная, дурацкая – прозвучала тогда страшным вердиктом:

– *А мне кажется, что это по правде...*

Тимофея выпустили на волю, так ничего и не объяснив, но к счастью, и не испортив ему биографию. Ни в паспорте, ни в трудовой книжке – ни где там еще бывает? – не осталось никаких пометок о его коротком пребывании в гэбэшной тюрьме.

А Петр Васильевич действительно пропал навсегда, но, грех не признать, он очень любил свою жену Веру, Маринкину маму, и сумел оставить на ее имя счет в банке – ни хухры-мухры! – семьдесят восемь тысяч американских долларов. Теща долго скрывала от молодых, что является обладательницей такого невероятного наследства. Призналась только через полгода, когда дела у Редькиных пошли совсем скверно. Малый бизнес к середине девяносто шестого начал откровенно засыхать на корню. Во всяком случае, такой малый и полулегальный – да нет, четвертьлегальный – как у Редькиных. «Ниву» свою Тимофей продал еще раньше, побаивался, что машина-убийца потянет за собой неизбежный хвост неприятностей. А вот купить что-нибудь адекватное все никак не получалось. Деньги тратились быстрее, чем приходили в семью. И наконец, кругленькая сумма, лежавшая под процент у знакомого авантюриста, накрылась медным тазом.

Авантюрист имел необычайно подходящую, можно сказать, знаковую фамилию – Самодуров: то ли «что хочу, то и ворочу», то ли сам себя дурит. А в действительности получилось и то, и другое. Торгуя не своим товаром, используя исключительно заемные средства, платя по всем долгам чудовищные проценты, он просто обязан был закончить банкротством и крахом.

Редькин какое-то время дергался – все-таки три тысячи баксов! – а потом понял, что с этого козла Самодурова взятки гладки – хоть бандитами наезжай, хоть душеспасительные беседы веди. В жизни наступил грустный период. Но ездить на чем-то все равно надо было – привычка уже многолетняя, – и Редькины с подачи Виталика Нестеренко купили всего за четыреста долларов старого битого сорокового «москвича». Хозяин уезжал в Израиловку навсегда и распродал вещи со страшной скоростью, некогда ему было разбираться, сколько на самом деле стоит эта груда допотопных запчастей под ржавым кузовом. Но груда запчастей в действительности была на ходу, и при всех недостатках имела, как минимум, три весомых плюса. Первое – движок почти новый. Второе – за машину не стоило бояться, оставляй открытой где угодно. И третье – ее можно было не жалеть: развалится – так развалится, сгниет – так сгниет. Что такое четыреста долларов?

А тут как раз основной работой стала у них торговля книгами, вот и грузили старого несчастного «Москвича» тяжелыми пачками под завязку, так что рессоры скрипели. Крепкий оказался экземпляр, но к весне все равно потребовался крупный ремонт. Или покупка новой машины. Ни то, ни другое не вырисовывалось, вот тогда Вера Афанасьевна и раскололась.

Сначала Тимофей рвал и метал: «Вот старая дура, сколько за это время могли бы денег заработать!». Потом остыл слегка и понял, что, может, оно и к лучшему получилось. Вложили бы огромные тысячи все в того же Самодурова и попрощались бы с ними, или, как минимум, поимели бы проблемы на грани уголовщины. А начать собственное дело с суммой меньше сотни тысяч – это сегодня уже не серьезно. К сожалению, на дворе не восемьдесят девятый и даже не девяносто третий. Так что задуматься пришлось крепко.

Слава Богу, скромный банк, где лежали деньги, оставленные тещимом, не лопнул пока, весенний кризис девяносто шестого обошел его стороной, в следующем году банк даже поднял проценты по вкладам и начислял их исправно. Однако хранить деньги и дальше на случайном счету казалось страшно. Держать дома в тумбочке – в принципе можно, но это – тоже явная глупость, а пустить в дело... Тимофей совершенно не представлял, в какое именно. Не книг же закупать на всю сумму! Помилуйте, братцы! В общем, после долгого семейного совета решено было покупать квартиру. Во-первых, недвижимость – это всегда хорошее вложение, а во-вторых, семья у них большая, рано или поздно расселяться станет необходимо,

а пока одну из квартир можно сдавать – отличное подспорье для мелких бедствующих коммерсантов.

Вот так и получилось все. Вышли на Константина Полозова через общих знакомых и купили в тихом центре роскошные четырехкомнатные апартаменты с высоченными потолками – всего за семьдесят пять тысяч. Смешно, но на новый автомобиль денег опять не осталось. Предпочли реанимировать «москвича» и подождать до лучших времен – уж больно заманчиво казалось ухватить квартиру, настоящая цена которой была раза в два, если не в три выше. Как удалось? Ну, это уже совсем отдельная история. О ней почему-то не хотелось Тимофею вспоминать.

Если начать дотошно перебирать этапы своей жизни, – а в последние годы она все больше походила на бред сумасшедшего, – версий можно напридумывать миллион. Только кому они нужны? Не конструктивно это. КГБ, мафия, ЦРУ, Моссад, самое время вспомнить космическую разведку с какой-нибудь Альфы Центавра.

– При чем здесь тесчим? – риторически спросил Тимофей. – Давай лучше подумаем о наших знакомых.

– Не хочу я о них думать, – неожиданно заявила Маринка и тут же потребовала: – Звони Вербицкому.

Но Тимофей проявил твердость:

– Нет, буду звонить Бурцеву, его застать трудно.

Однако не успел даже подойти к аппарату, как раздался встречный звонок. Трубку сняла Маринка. Некто по ту сторону провода молчал и только выдыхал шумно. Никакие вопросы не находили отклика у этого чудака, и в итоге связь прервалась. В общем-то, обычное дело для Москвы, но в контексте всего предыдущего прозвучало тревожно. Гадостное осталось впечатление.

Редькин вернулся к рассуждениям о том, что в первую очередь необходимо звонить на сервис. Маринка теперь не возражала, но сама неистово шарила по записной книжке в поисках новых интересных телефонов. А Бурцева опять на месте не оказалось: уехал за запчастями. И звонить пришлось все-таки Вербицкому.

По номеру, предложенному Константином, воркующим женским голосом отвечала некая таинственная контора с романтически-бюрократическим длинным названием «Федеральный центр по проблемам развития и поддержки семьи и репродукции». Девушка не поленилась озвучить всю эту абракадабру полностью, а затем, после раздражающего пиликания в трубке слащавой мелодии типа «Ах, мой милый Августин!..» (Тимофей предпочитал в таких случаях тишину или обычный шумовой фон) соединила с заместителем директора по коммерческим вопросам. Голос Вербицкого показался приятным и словно бы даже знакомым. Специалист по мелким бандитам и юрист от Бога имя Кости Полозова воспринял адекватно и без лишних слов назначил встречу на завтра. Однако название фирмы продолжало смущать нового клиента, и Редькин все-таки счел нужным разяснить, по какому вопросу обращается. Вербицкий с легкой досадою сообщил, что знает, мол, Константин уже звонил ему, и Тимофей не стал задавать глупых вопросов.

Вспомнилось вдруг, как в девяносто третьем покупал порнокассеты в булочной у Покровских ворот. В маленьком коммерческом отделе, пришедшем на смену кондитерскому, среди колготок, сигарет и сувениров сухонькая благообразная старушка торговала еще и вот таким весьма деликатным товаром. «Возьмите эту, молодой человек, – бывало, советовала она. – Тут и качество получше, и девчонки посимпатичнее». Чего не встретишь в наше время! Так почему бы, в конце концов, специалисту по семье и репродукции не заниматься бандитскими разборками? Слово «репродукция» в конце непомерно длинного названия казалось наиболее нелепым, пока Тимофей не вспомнил, что в данном случае оно означает не копию

с живописного полотна, а воспроизводство вида, то есть деторождение. В общем, все та же порнуха в булочной. Смирившись с очередным абсурдом, он как-то сразу внутренне успокоился.

Если б только еще этим все и закончилось! Куда там! На тяжелую не выспавшуюся голову Редькина обрушился новый телефонный звонок. Торговец пивом Артем срочно требовал денег за поставленную две недели назад партию книжек «Китайская астрология». «Астрология» шла прекрасно, ведь Артем в книжной конъюнктуре абсолютно не разбирался, получил тираж по долгам, Тимофею уступил за гроши, по-дружески, и вообще – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Ну, а Редькин, конечно, цену накрутил вчетверо, при этом она все равно оставалась ниже рыночной – очень выгодная операция. Деньги практически все уже вернулись, вот только ушли в другую сторону – никак он не ожидал, что Артему может срочно понадобиться смешная сумма в полтора миллиона... В общем, звонок оказался крайне не к месту, и сразу испортил настроение. Отсрочку удалось получить только на три дня. А жаловаться на разбитую машину смысла не имело – Артем бы непременно попросил придумать что-нибудь пооригинальнее.

Наконец, проклянулся Бурцев, которого все время не было на месте, и удалось договориться с его ребятами о сроках. Ребята должны были приехать сегодня же, освободить заднее колесо от вонзившейся в него арки и отбуксировать разбитую машину в достойный ремонтный бокс. Но тут еще раз позвонил Нестеренко и посоветовал до сдачи «Нивы» в починку официально оценить ущерб. Если существует хоть малейший шанс получить компенсацию с обидчика, это важно. Оценка, разумеется, стоит денег, зато без нее, ни один суд не примет претензий к рассмотрению. Обсудили с Маринкой этот вопрос и решили, что жмотиться не стоит. Навели справки, выбрали солидную фирму «Авто-мобил», и Редькин побежал на Таганку, благо рядом, а по телефону такие вопросы не решаются. Агента вызвал на завтра же, но на вторую половину дня, чтобы успеть от Вербицкого вернуться. Узнал, что фирма берет десять процентов от суммы ущерба, прикинул масштаб бедствия, загрустил, но... делать нечего!

Когда вернулся, Маринка висела на телефоне, делилась своей бедою с сорок пятой по счету подружкой, но стоило ей положить трубку, как телефон ожил, словно кто-то с той стороны набирал номер непрерывно. И оказалось, что это вновь утренний молчун, если, конечно, не случайное совпадение. Редькин мистическими страхами никогда не страдал, но второй молчаливый звонок за день – это все же многовато, подобные совпадению никому не понравятся. И заставляют думать.

«Есть ли у меня враги?» – спрашивал сам себя Редькин? Очень не хотелось отвечать «да». Но сказать «нет» он тоже не мог. Глупо врать самому себе. И началась мучительная процедура анализа: какая же сволочь способна была сначала разбить его новую машину, а потом звонить и одышливо молчать в трубку? Или это две разные сволочи?

Однозначного ответа родить не удалось, но начали возникать версии.

– А что, если постарались все-таки наши конкуренты? Или рэкетиры? – спросил Редькин по существу безадресно, в пространство, но получилось невольное продолжение все той же дискуссии с Маринкой: КГБ это или просто знакомые?

Супруга вдруг согласилась, не уточняя на каком слове останавливает выбор:

– Правильно. Ты никогда не умел договариваться с людьми. Это Жорик.

– Почему Жорик? – вздрогнул Тимофей. – Я с Жориком полностью рассчитался. Да и было это уже три года назад. Чепуха! Скорее уж Данила.

– Данила?! – не поверила Маринка.

И Тимофей досадливо поморщился. Как это он неосторожно сболтнул! Ведь никогда же не рассказывал жене, что довольно грубо кинул Данилу в девяносто четвертом, уходя из его фирмы. Все-таки Даня был другом детства Маринки, мальчишкой с ее двора.

– Данила добрый, он мухи не обидит, – сказала Маринка рассудительно.

– Да, конечно, – сразу кивнул Тимофей и от греха подальше выдвинул следующую гипотезу. – Ну, а Меуков и его команда? Не могут это быть их происки?

– Меуков? – Маринка начала смеяться. – Они же все там шизы! Как они могли въехать в нашу лапочку? Придурки распоследние! Да ни один из безумных друзей Меукова машину водить не умеет.

– Один умеет, – вспомнил Редькин.

Потом окончательно сник и проговорил:

– Тогда я ничего не понимаю. Зачем мы им нужны?

– Кому? – ядовито поинтересовалась Маринка.

– Ну, хотя бы мальчишкам этим в «волжанке», или, в конце концов, Игорю и Феде.

– Этим-то мы точно не нужны, но у меня есть еще несколько интересных предположений, – сказала Маринка.

– Не надо, – слезно попросил Редькин.

И тут снова зазвонил телефон.

– Я сейчас подъеду, – сообщил суровый голос вместо «здрасте».

Редькин сразу узнал его. Опасно не узнавать человека, которому денег должен. И это был не Артем, а кредитор более серьезный, компаньон Редькиных по выпуску последней книги. Со странным именем Бенцион и еще более странной фамилией Калькис. Такому негоже отказывать, ведь сохранялись пока хорошие отношения и надежда на совместную допечатку тиража, не говоря уже о следующих книжках популярного эзотерического цикла. Калькис владел солидным собранием всей этой белиберды и, что особенно ценно для нашего времени, поддерживал постоянные контакты с зарубежными друзьями, задвинутыми на той же шизоидной тематике. Но главное, Бенья Калькис умел за символические деньги, а то и вовсе бесплатно получать от тамошних авторов соответствующие бумаги с разрешением на публикацию в России их безумных трудов. В общем, грех было терять такого компаньона, и Редькин дал согласие на приезд.

Если б кто еще знал, чем этот торжественный визит закончится! Спокойный разговор продолжался ровно шесть минут. Потом началась ругань. Оказывается, Редькин книги не продавал, а только предоставлял свою машину и своих клиентов. Интересная постановка вопроса. А кто же тогда, простите, работал? Ведь расписали еще полгода назад четкую схему распределения прибыли. Так в чем же дело теперь? Ах, пункты договора соблюдались неточно? Это с чьей же стороны, разрешите полюбопытствовать? Во, бред-то! Значит, вместо тридцати процентов, ты претендуешь на сорок пять исходя из средней продажной цены экземпляра? А с какой стати?! Редькин так завелся, что даже о разбитой машине забыл. Вытащил пачку денег, заранее приготовленную для Калькиса: в сердцах разделил ее пополам и заявил, что остальное отдаст позже, когда тщательно все посчитает.

Калькис от такой наглости потерял дар речи, и на несколько секунд в квартире сделалось абсолютно тихо. Вот в этой тишине Маринка и нажала кнопку дистанционника, потом рассеянно пощелкала с канала на канал, а попав на «ТВ-6», тут же увеличила громкость. Шел «Дорожный патруль». Мелькнули знакомые кадры: угол их дома, вывеска отделения милиции, покореженная «Нива», «Волга», «Москвич»... Ёлы-палы! Когда ж это они снять успели? Наверно, Редькины как раз оба в ментовнице сидели, тут эти журналюги и подъехали на своем пижонском размалеванном «Рено» с рекламой «Клиффорда»...

Странным образом Тимофей расстроился, что не попал в кадр. Подумал самокритично: «Привет тебе от чеховского героя из рассказа „Радость“!» А Бенья Калькис, отслеживая странную реакцию супругов, начал о чем-то догадываться.

– Это ваша, что ли, машина? – спросил он тупо.

И тут на Тимофея накатило. Он решительно сменил тональность и принялся орать на Беню сплошной нецензурщиной. Не только рафинированный интеллигент Калькис, с детства чуравшийся мата, но даже простецкая Маринка никогда своего Редькина таким не видела. А смысл многоэтажных и трудно воспроизводимых на бумаге словесных построений сводился, в сущности, к одной простой мысли: «О каких вообще деньгах может идти речь, когда у меня такая беда случилась?!» Калькис недаром слыл человеком сообразительным, и уже через две минуты, охотно забрав тот минимум, которым Редькин готов был поделиться, торопливо покинул квартиру.

А информация об аварии на «ТВ-6» прошла слегка странноватая. Редькину некогда было вдумываться, что именно показалось необычным, но Маринка, помнится, все ворчала:

– И зачем они врут? Не понимаю. Чушь какая-то!

«Ладно, – думал Редькин, – разберемся еще».

Потом телевизор выключили, Беню выкинули из головы, и выяснилось вдруг: что день подходит к концу.

– Не пора ли поужинать? – спросил Редькин.

– А мы обедали? – вопросом на вопрос ответила Маринка.

Но даже вдвоем им не удалось вспомнить этого наверняка.

– Тогда давай выпьем, – предложил Тимофей.

– С ума сошел? – устало и беззлобно откликнулась Маринка.

А потом добавила, поняв, что не возражает:

– Ладно, наливай. Где там твоя кашаса? Да, а сок-то у нас еще остался?..

Глава третья ПОРНУХА В БУЛОЧНОЙ

В тихом переулочке, отходящем от проспекта Мира, за свежепокрашенным металлическим забором располагался солидный особняк, отремонтированный, надо думать, какими-нибудь турецкими гастарбайтерами и, похоже, совсем недавно. Центральный вход украшала начищенная до солнечного блеска бронзовая табличка: «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПО ПРОБЛЕМАМ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ СЕМЬИ И РЕПРОДУКЦИИ». В правом крыле здания поселилась нотариальная контора, обменный пункт и парочка фирм с трудно читаемыми иностранными названиями. Между окнами левого крыла царил небесталанно выполненный рекламный щит – знаменитый томный взгляд не слишком тепло одетой Сильвии Кристэль приглашал посетить секс-шоп на первом этаже. Отдельного входа эта часть дома не имела, но именно сюда надлежало двигаться Редькину, если он правильно понял. Миновав чистенький просторный вестибюль, обставленный не без претензии на роскошь, но все-таки по откровенно больничному стандарту, и совладав с искушением поглазеть на разноцветные презервативы и пластиковые гениталии, Тимофей попетлял в причудливо изломанном коридоре и, наконец, уткнулся в искомую дверь с двухэтажной надписью: «Директор» и «Зам. директора по коммерческим вопросам».

– Вербицкий – это вы? – недоверчиво поинтересовался Редькин.

– Вербицкий – это я, – заверил его человек лет тридцати пяти – сорока с виду, сидевший перед включенным компьютером. – А вы – Тимофей Редькин. Правильно?

Заместитель директора выглядел намного скромнее, чем представлялось на входе в это преуспевающее заведение не вполне понятной ориентации. Потертые джинсы и простецкая майка не первой свежести были бы не к лицу даже водителю в подобной фирме. Да и кабинет Михаилу Моисеевичу отвели странный – по существу, предбанник, где обычно сидит не зам, а, допустим, секретарь-референт. Но если всерьез задуматься, какое это все имело значение? Редькин же не лечиться сюда пришел, просто поговорить, а Константин плохого не посоветует.

– Не возражаете, если мы сразу перейдем на «ты»? – неожиданно предложил Вербицкий. – Когда обсуждаются проблемы известного свойства намного удобнее, знаете ли, разговаривать по-простому, без интеллигентских заморочек. Принято?

– Принято, – кивнул Редькин.

Вербицкий удивительным образом располагал к себе, несмотря на все несоответствие внешности и обстановки. На нового русского этот гражданин ну никак не тянул! Темно-каштановые кудри, классический иудейский профиль, характерные чуть припухлые губы и ясный, пронзительный, ироничный взгляд больших, слегка выпуклых серо-голубых глаз. Интеллектуальное превосходство читалось в них со всей очевидностью, но это совершенно не обижало – на вас смотрели мудрые и добрые глаза Учителя. Ему бы раввином служить, а не с бандитами работать! Однако в богоугодном центре по проблемам то ли репродукции, то ли контрацепции, изначально было все построено на несоответствиях, и в этом заключалась своя необъяснимая прелесть. Впрочем, отчего же необъяснимая? Ведь происходившее с Редькиным в последние дни подчинялось до сих пор исключительно логике абсурда, значит, и расследовать такое дело мог именно подобный чудак в заношенных джинсах уличного попрошайки и с глазами библейского пророка.

– Зови меня просто Майклом, меня так все зовут еще со школы: а я буду звать тебя Тимом. Принято?

Вербицкий закурил и пододвинул пачку легкого «Мальборо» в сторону собеседника.

– Обсуждать такое *попадайлово* и не курить – было бы методологически неверно, – пояснил он.

Потянувшись за сигаретой (в кармане были свои, но грех отказываться, когда угощают!), Редькин не мог не отметить несколько неожиданный вид экрана у включенного компьютера. Нет, там была не мерцающая заставка и не игрушка – всю светящуюся поверхность покрывали многочисленные окошки с разноцветными фрагментами текста, и, вспомнив свое недавнее увлечение программированием, Редькин сообразил, что Майкл пишет новую программу на языке «Си» в специфической оболочке Visual Studio – довольно странное занятие для коммерческого директора полумедицинского центра. Впрочем, это уже мелочь по сравнению со всем остальным.

Юрист от Бога оказался юристом самозванным, но умение четко распределить все по степени важности, свойственное профессиональному системному программисту, приходило на помощь. Вербицкий не позволял Редькину произносить длинных и сбивчивых монологов, он задавал короткие точные вопросы, выстроенные в строгой последовательности, и очень скоро из их беседы проступила достаточно ясная картина случившейся аварии, словно кто-то взял и решительно протер заляпанное грязью ветровое стекло. Сигареты при этом курились почти одна от одной, но голова не болела – никотин сгорал нацело в процессе интенсивного мышления.

А картинка-то получилась забавная!

О заказчиках, наводчиках и первопричинах наезда Майкл пока не рассуждал – каждому овощу свой срок, – но с командой исполнителей все теперь стало понятно. Случайностей, подобных этой, конечно, не бывает. «Ниву» били нарочно. Существует такой бизнес: отслеживают только что купленные машины у не слишком серьезных людей, под видом дурацкой аварии мнут и по дешевке скупают, потом грамотно восстанавливают исключительно внешний вид и продают почти как новые. Ловится эта категория мошенников с трудом, ведь непосредственный исполнитель может и не знать, что творит. Похоже, что в данном случае несчастного охламона Кусачева как раз и подставили. К тому же в милиции и в ГАИ у таких шаек всегда есть свои люди. Так что через государственные органы здесь почти наверняка выкрутить ничего не удастся, а вот с помощью *специальных пассажиров* – можно. И даже на взаимовыгодных условиях. Решено было назначить Игорю и Феде встречу в этом самом «детородном» центре, дескать, Редькин надумал машину продавать, надо только все обсудить в деталях. Ну, а обсуждение деталей полностью возьмет на себя Майкл. Если ребята понятливые окажутся, на Майкле все и закончится, ну а уж если нет, тогда придется звать помощников, то есть этих самых специальных пассажиров.

Редькина всегда умиляло, как много существует разных слов для обозначения одних и тех же понятий: бандиты, рэкетеры, защитники, помощники, братки, серьезные люди, а вот теперь еще и специальные пассажиры.

– Оценку ты, конечно, проводи, – сказал Майкл в заключение, – но ни в какой суд бумаги не таскай. Копию принесешь сюда, будем твоего Игоря пугать. Денег на оценщиков не жалея, пусть накрутят по максимуму. Ну, вот и все. Договоришься и звони, хоть сюда, хоть по домашнему.

Обратно Тимофей уходил через тот же холл. У дверей секс-шопа стояли двое бритоголовых молодых людей в пиджаках шестьдесят четвертого приблизительно размера и роста соответствующего. Один улыбался, выслушивая инструкции по мобильнику, другой туповатым взглядом озирает помещение, скользнул невзначай и по Редькину. И у того сразу пропало желание посещать любимый магазин. Нет, не потому, что испугался или там настроение испортилось. Наоборот. Он сюда не развлекаться пришел и не фигну всякую покупать – он в здешнем центре серьезный клиент, а значит, нельзя ронять свой имидж в глазах *спе-*

циальных пассажиров. Что же касается настроения, оно как раз сделалось великолепным. Редькин вдруг с мальчишеской наивностью уверовал в благородную силу этих громил, которые сегодня при полном бездействии государства своими руками наводят в стране порядок.

Остаток дня и вечер прошли в жуткой суете, телефон опять не смолкал во всех промежуточных между Маринкиными разговорами. Оценщик прибыл вовремя, этакий хлыщ, который вовсе не собирался умалять редькинских потерь – понятное дело, на себя работал, даже предложил изуродованный «Москвич» обсчитать. Через полтора часа явилась бригада ремонтников – три человека и все как на подбор Валентины, различающие друг друга только по кличкам и отчествам. Провозились долго, но отогнали все-таки машину на автобазу какой-то фабрики у самого метро Семеновской. "Дело уже к ночи, – подумал Тимофей. – А у них тут жизнь ключом бьет – тоже своего рода шизы, а точнее *персонажи*". Да, именно такое слово пришло ему на ум. Автослесари в замасленных спецовках с выразительными лицами актеров-комиков и интеллигентной манерой разговора казались персонажами современного авангардистского фильма. Сам Валька Бурцев – нереально чистенький, аккуратный, в белой рубашке и при галстукке – ну, просто менеджер с инофирмы! – смотрелся в грязном и полутемном ремонтном боксе, как марктвенровский принц, поменявшийся местами с нищим. Но главным-то персонажем этого театра абсурда, был, разумеется, Тимофей Редькин, лично, собственной персоной. Однако на себя всегда нелегко со стороны посмотреть, а вот все остальные в эти дни выглядели до жути странно.

Все, даже Маринка, которая его совсем не пилила, а по вечерам сама предлагала выпить. Даже кредиторы, которые ко всему относились с пониманием. Даже милиционеры, сделавшиеся вдруг вежливыми и предупредительными. Правда, толку было от этой вежливости!.. Редькин уже не рассчитывал на милицию. Он рассчитывал теперь только на доблестных бандитов Майкла.

Пресловутый Игорь тоже повел себя чудновато, но как нельзя более удобно. Дозвониться до него оказалось проще пареной репы, и встретиться этот жулик согласился с ним где угодно, только через день, а значит, как раз в тот четверг, когда Вербицкий обещал быть на месте всю дорогу.

Среда оказалась убита на продажу полумертвого «Москвича». Бурцев без особого энтузиазма предложил забрать его на запчасти в счет уплаты за ремонт, о цифрах пока не говорили, но было понятно, что речь пойдет о ста, в лучшем случае о ста пятидесяти долларах. Естественно, в сумме детали стоят существенно дороже, но ведь это какая работа – извлекать их из покореженного металла, да и хранение машины и транспортировка ее – в общем, все понятно. Меж тем неожиданно возник давний забытый приятель, достаточно безденежный, достаточно рукастый и как раз искавший для себя машину. Редькин честно объяснил ему все и про почти новый движок, и про состояние кузова, близкое к его полному отсутствию, и цену тоже честно назвал – пятьсот. Всего только сотню набросить – это по-редькински честно. Мол, за пятьсот взял – за пятьсот и продаю. Сам понимаешь, девальвация доллара, изменение конъюнктуры, общий уровень жизни... Приятель слету предложил триста, и сторговались они на странной цифре триста восемьдесят с оформлением за счет Редькина. Редкостная удача. Как говорится, ложка меда в бочку дегтя. Разговор происходил утром, и решили ничего не откладывать. Делов-то! Нотариус, доверенность с правом продажи, деньги на бочку и по рукам. Не учли главного: умудренный опытом Бурцев не случайно говорил о транспортировке «Москвича», это только Редькин считал, что на нем ездить можно. Ну ладно, сели, завели, тронулись. Остатков тосола в пробитом и искореженном радиаторе хватило примерно на километр. Потом движок перегрелся и заглох. А датчик температуры в этой машине уже давно ничего не показывал. И встали-то посреди Садового

Кольца – удовольствие ниже среднего, руками оттолкать пришлось на обочину под матерщину и громкое бибиканье нескончаемого потока. Спасибо, милиции рядом не оказалось. Уже потом, когда нервы успокоились, сообразили, что надо было движок водичкой полить, немножко в систему охлаждения добавить, ну и худо-бедно дотрюхали бы, однако и водички было всего полтора литра в пластиковой бутылке и мозги соображали плохо у обоих. В общем, на прежнее место старика-инвалида пригнали, а уж к нотариусу отправились пешком. Приключение это обошлось Редькину в тридцать баксов – до трехсот пятидесяти цену пришлось скинуть, – но сильно настроения не испортило. Все равно вечером хороший повод был выпить и про все забыть на время, если б только не этот проклятый молчаливый звонок, уже в который раз...

Лежа с Маринкой в постели, снова перебирали всех знакомых, родственников, друзей и врагов. И неожиданно пришли к общему экстравагантному выводу: так долго и тупо угрожать (если это вообще угроза) нормальный человек не может. Шизиков в биографии Редькиных тоже насчитывалось немало, повспоминали их, даже похихикали, но в итоге пальму первенства отдали все же именно Эдмонду Меукову – у того и с головой было сильно не в порядке, и претензии к Тимофею имел он вполне конкретные, так что... Подробности анализировать не стали, успокоились, погасили свет и быстро заснули. Усталость валила с ног, хотя жара и слабела день ото дня.

А во сне Тимофей увидел с невероятной точностью деталей ту давнюю уже осеннюю историю на Рижской трассе с сорвавшимся матрасом и убитыми людьми. Не было никаких привычных для сна искажений, не было смешных глупостей и пугающей жути неизвестного – он словно просматривал запись, сделанную кем-то два года назад. Спокойно докрутил до момента, когда из машины вышла красивая рыжая чекистка, и вот тут оно и началось – по законам сновидения. Никакая это оказалась не чекистка, да и не рыжая вовсе – это была та самая девушка по имени Юля с ирландским сеттером, в тех же маняще облегающих вишневых лосинах, и Тимофей сразу шагнул к ней, забыв обо всем на свете – о стоящей рядом Маринке, об убитых людях, о солдатах из вертолета – шагнул, обнял, впился губами в губы, задрожал от удовольствия, а она вдруг дернулась, повернулась спиной и страстно прижалась круглой упругой попкой к его животу. Да уж и не к животу, если честно, а к набухшему твердому жезлу, поднявшемуся едва не до пупка. Еще бы чуть-чуть, и вышел конфуз, но что-то заставило Редькина проснуться. Он обнаружил в своих объятиях Маринку с задранной до пояса ночной рубашкой. Супруга тихо посапывала и ничего особого не ощущала. Редькин отвалился с гулко колотящимся сердцем, лег на спину, и долго тупо глядел в темный потолок, не в силах заснуть.

Утром четверга он прибыл в уголовно-медицинскую контору Майкла в несусветную рань – в половине десятого. Жизнь заставит – чего не сделаешь! Вербицкий признался, что и для него это дико, но был уже на месте и ждал, чтобы проводить в другой, более солидный офис. Редькин нервничал, думалось почему-то, что Игорь не придет (опоздает, заблудится, обманет) или притащится вдруг с целой бандой, и сразу начнется разборка, и пострадает, конечно, он, Редькин! Очень хотелось для верности встретиться с пресловутым жуликом у метро и вместе прийти сюда, но Майкл еще тогда объяснил, что это *методологически неверно*, и был, разумеется, прав. В общем, они теперь мирно ждали, покуривая, Вербицкому время от времени звонили, а Редькин просто сидел и нервничал. Все уже было обсосано до мелочей, даже диктофон на всякий случай подготовлен, говорить о чем-то не было никакого желания – так что же теперь, книжку листать, убивая время? Тимофей привык читать и в очередях, и в транспорте, но не в такой же ситуации, право!

Игорь опоздал всего на три минуты. Майкл отметил этот факт с уважением и предложил парню садиться. Тот запросто пожал руки обоим, небрежно, по-свойски плюхнулся в кресло и начал с бодрой фразы:

– У вас тут, гляжу, и нотариалка своя. Стало быть, можно все разом и оформить. Документы, надеюсь, с собой?

– Документы с собой, – быстро ответил Редькин.

А Майкл продолжил за него:

– Документы – это вопрос второй. Главное – о цене договориться.

– Естественно, мужики! – охотно согласился Игорь. – Я только не понял, хозяин машины... вы, что ли?

Он явно хотел обратиться на «ты», но в последнюю секунду сообразил, что будет это не совсем уместно.

– Я не хозяин, – проговорил Майкл, зевнув. – Разрешите представиться: Михаил, адвокат хозяина автомобиля, то есть адвокат гражданина Редькина Тимофея Петровича.

Игорь тут же переменялся в лице и затравленно оглядел кабинет. Стерильно белые стены, черная пластиковая мебель, две не без вкуса подобранные картины и скромный набор необходимой оргтехники. Видно было, что вся эта обстановка враз перестала ему нравиться.

– А что, собственно, случилось? – всполошился Игорь, словно карманник пойманный с поличным.

– Да ничего не случилось, – успокоил его Майкл. (Паническое бегство в первые же минуты разговора никого не устраивало). – Просто, видите ли, молодой человек («Хорошо ввернул, – подумал Редькин, – Игорь-то моложе Майкла всего лет на пять!») купля-продажа автотранспортного средства – дело серьезное, а мой клиент – человек основательный, не любит, знаете ли, попадать впросак, потому и попросил меня поучаствовать. Андестэнд? Ну: вот и чудненько. Теперь валяйте, рассказывайте, что случилось с машиной, когда, по чьей вине. Никто, согласитесь, не захочет гробить кучу бабок на ремонт, если машину можно продать и купить новую: вот только давайте выясним, почему нам всем это выгодно.

Игорь на удивление быстро успокоился и с энтузиазмом приступил к обсуждению проблемы. А Вербицкий был все-таки поразительно талантливым человеком. Не только юрист от Бога, но еще и опытный психолог, и натуральный актер. Впрочем, быть может, это и есть составляющие истинного юриста? В ходе предельно доверительной беседы всплыли все необходимые подробности происшедшего, и даже не слишком разбирающийся в подобных делах Редькин не мог не сообразить, как ловко подставили и его, и пьяного мальчишку, сидевшего за рулем. Настало время выложить на стол справку об аварии из ГАИ и весь комплект оценочных документов из фирмы «Авто-мобил». Игорь просмотрев листочки, пришел едва ли не в эйфорическое состояние.

– Ну! Я же говорил! – чуть ли не кричал он. – Ежу понятно – тачка идет под замену кузова. И к тому же: лонжероны поехали, мосты поехали, полуоси и чулки ставить новые, сварные работы, как ни крути, и еще не известно, что там с карданами, коробкой и раздаткой, даже суппорта и шрузы могли пострадать!

Игорь сел на любимого конька, его несло. Несло чуточку слишком: все-таки глупо считать, что никто, кроме тебя не разбирается в устройстве автомобиля. Этот патентованный автомеханик валил в одну кучу все, как при разговоре с богатым чайником, приехавшим на ремонт. Если бы он сейчас заявил, что могли пострадать щеточки дворников на фарах и бегунок трамблера, Майкл бы и тому не удивился. Он еще совсем чуть-чуть послушал словоизвержения незадачливого афериста, а потом вежливо перебил и произнес свою ключевую фразу:

– Значит, вот такой у вас бизнес, ребята?

– Какой еще бизнес? – вздрогнул Игорь.

– Да очень простой, в сущности: сами бьете новые машины, и сами по остаточной стоимости скупаете. Навар, должно быть, невеликий получается, но судя по твоей тачке и прикиду, на жизнь хватает.

– Ребята, – Игорь резко поднялся. – Я, кажется, не туда попал. Если машина не продается, лучше я пойду. Поговорили – и ладно.

– Охрана тебя не выпустит, – тихо сказал Майкл.

– Да пошел ты! – обозлился тот и шагнул к двери.

Майкл даже не шелохнулся. А Игорь распахнул дверь и чуть не налетел грудью на здорового детину, стоявшего в проеме с широко расставленными ногами и руками в карманах свободного пиджака.

Рукоприкладства не потребовалось. Игорь вернулся к столу, достал сигарету, закурил ее не с того конца, бросил в сердцах в пепельницу и окончательно сник.

– Кто вы такие? – выдавил он, наконец.

– Об этом мы будем говорить не с тобою, – солидно ответил Майкл.

– А я тогда зачем нужен? – как-то совсем по-детски поинтересовался Игорь.

Вербицкий не торопясь поднялся, взял лист бумаги и ручку, положил перед Игорем и ласково сообщил:

– А ты, браток, нужен только для одного. Ты сейчас напишешь расписку и все. Помнишь сумму ущерба? Что-то около четырех тысяч грин. Накинем еще штучку – ну, там моральный ущерб, мои комиссионные – будет ровно пять. Вот и пиши: я, такой-то такой-то взял займы у гражданина Редькина и обязуюсь вернуть... В свободной форме. Цифру согласовали, теперь главное, давай решим со сроками. Недели хватит тебе?

– Хватит, – выдохнул Игорь.

Он уже писал. Тимофей просто глазам своим не верил: гипноз, магия – да и только.

Наконец, Игорь ушел, вежливо попрощавшись. Громиле, что стоял в дверях, Майкл только кивнул, слов не потребовалось.

– И что же, теперь все? – поинтересовался Редькин, не в силах скрыть своего восторга. – Две с половиной мне, две с половиной вам – и через неделю все в порядке. Ремонт-то мне за полторашку обещали сделать. (На самом деле вообще за тысячу, но приврать хорошему человеку – дело святое).

– Нет, Тим, это еще далеко не все, – разочаровал его Майкл. – Денег-то у нашего клиента, похоже, нет, вот я и дал ему неделю, чтоб он со своей крышей связался, посоветовался, а его люди вызовут наших, будет разбор. Сумма при этом может даже возрасти, в том числе и для тебя, но сроки поползут обязательно. Андестэнд? Быстро только кошки родятся, а божьи мельницы мелют медленно...

Вот так и закончился этот исторический визит. Отсрочка не слишком испугала Редькина, зато намек на увеличение суммы откровенно порадовал. Вера во всемогущих бандитов укрепилась, и домой он летел, почти как на крыльях. Однако там его ожидало пренеприятнейшее известие. Маринке звонил некий человек от Меукова. Вряд ли это именно он молчал в трубку, но если даже и он, то теперь откровенно изменил тактику, назвал и передал, что есть разговор. Даже просил позвонить, потому что *дело серьезное*. Последние два слова человек не поленился повторить дважды и с нажимом, что запомнилось Маринке, как очень-очень дурной знак. Вот такие пироги с котятами. Тушите свет и сливайте воду.

Однако день еще не кончился, наоборот – только начинался. Предстояло много мелких дел с милицией, ГАИ, кредиторами, должниками, компаньонами, сервисом Бурцева. Последний просил подъехать и согласовать теперь уже детально весь минимально необходимый объем работ по срокам и ценам. Начать Тимофей решил с ГАИ. Оттуда пришлось ехать обратно в отделение (не хватало каких-то справок), потом еще раз в ГАИ, вроде и недалеко

– Посланников переулочек возле Бауманского рынка, одна остановка на метро, – но отвыкший перемещаться своим ходом Редькин жутко умотался. А тут еще выяснилась милая подробность: Игорь не был хозяином «Волги», хоть и заявлял об этом устно. Очевидно, ездил по доверенности, а такие мелочи в ГАИ не регистрируют. Хозяином же был некий Гейдар Шанафутдинов (если Редькин правильно расслышал), и номера «волжанка» имела североосетинские. А ведь Редькину тогда сразу не понравились маленькая буква "в" в начале номера в сочетании с большими "С" и "Е" в конце. Вполне симпатичный милицейский майор аж крикнул, убирая в шкаф соответствующую учетную карточку.

– Ну, брат, с этого *Шаромпердинова*, ты не много сумеешь получить.

– Как знать, как знать... – многозначительно и загадочно проговорил Редькин.

А про себя подумал: «Плохо дело. Переведет наш друг Игорь стрелку с себя на кавказцев, подключится целая мафия, и плакали мои денежки...»

Дальнейшая четверговая суета большого интереса не представляла: звонки то и дело срывались, людей не оказывалось на месте, где-то было сплошное «занято», наконец, Тимофей рвались услышать самые нужные контрагенты именно в тот момент, когда его не было дома, ну и так далее. С Бурцевым – уже под вечер, как обычно – все получилось нормально. Окончательная калькуляция зашкалила за штуку на двести долларов, но Редькин сумел сотню в свою пользу сторговать. Он чувствовал глухое недовольство исполнителей, на глазах теряющих заработок, но остался крайне доволен собой. Ведь даже полторы тысячи – это было бы очень дешево по современным меркам и при такой сложности работ, а бурцевские персонажи согласились на тысячу сто. Это ж фантастика! Другой бы набросил им двадцатку-другую от щедрот, но только не Редькин, у него принципы иные: настоящий бизнесмен обязан считать каждую копейку.

За поздним обедом Тимофей выпил пива, телефон как будто перестал трезвонить, за окном стихло все, ветерок поднялся, сдувая остатки дневной жары с раскаленных городских крыш – тут бы и расслабиться полностью, накатить после пива коньячку, как это делают аристократы в конце обеда... Вот тогда Маринка и вспомнила:

– Меукову позвони, мало ли что...

– Вот черт! – пробурчал Тимофей, но сразу согласился: позвонить было надо, без этого все равно не уснешь, опять всякая дрянь в голову полезет.

И позвонил. И дрянь полезла в трубку. Точнее, через трубку в ухо.

– Эдмонда можно к телефону?

Долгая пауза.

– Эдмонда к телефону нельзя.

Еще одна пауза, длиннее первой.

– Эдмонд Меуков умер три часа назад.

Господи! Кто же это на том конце провода? Жена, мать, сестра? Но родственники не могут так говорить о смерти близкого человека! По-видимому, это одна из пациенток Меукова под действием черной магии или еще какого-нибудь там эн-эл-пи. Или это вообще дурацкая шутка в продолжение психологического давления на Тимофея? Мысли скользили и путались, скользили и путались, все больше напоминая клубок змей, каждая из которых норовила укунить свой собственный хвост. Тушите свет, сливайте воду... Впрочем, свет давно погасили, темно, как в гробу, а вода... вода не понадобится – уж лучше действительно коньяку... Господи, кто придумал эту дурацкую поговорку: тушите свет...

Трубка давно надрывалась короткими гудками, а Маринка смотрела на мужа округлившимися глазами и причитала:

– Тимка, что с тобой? Тимка, Тим...

– Ничего, все нормально, – с трудом проговорил он, потом добавил, сам себе противореча: – Сейчас пройдет.
И потерял сознание.

Глава четвертая БЕЗУМНОЕ РАНДЕВУ

Ох, как давно это было! Года полтора назад...

Вначале позвонил Бурнашов. Редькин не знал, кто это, но человек сразу представился по фамилии очень солидным голосом. Так и сказал в трубку:

– Тимофей? Здравствуйте. С вами говорит Бурнашов.

Тимофей вздрогнул (только фашистов ему и не хватало!), потом решил, что ослышался и на всякий случай переспросил:

– Александр Баркашов?

– Бур-на-шов, – ответили ему по слогам. – Андрей Бурнашов. От Эдмонда Меукова.

Тут Редькин смекнул, что к чему, сразу прикинулся шлангом, мол, этой фамилии тоже не знает, и отозвался вымученной шуткой:

– Не знаю, от какого Эдмонда вы мяукаете, а по мне, что Эдмонд, что Бурнашов, что Баркашов...

Но по ту сторону провода шутливого тона не принимали.

– Это вы издали последнюю книгу Стива Чиньо?

– Кого?

Редькин продолжал применять хорошо проверенную тактику: чем больше задаешь вопросов, тем больше времени выигрываешь. Он лихорадочно соображал, в каком из магазинов его могли заложить. На оптовиков грешить не приходилось – эти ребята свои, надежные.

А Бурнашов оказался парнем туповатым и на все вопросы отвечал предельно просто:

– Я говорю вам о книге Стива Чиньо «Роль секса в психосинтезе».

– Кого? – еще раз автоматически повторил Тимофей, не вкладывая в вопрос особого смысла, словно какой-нибудь Гаев из «Вишневого сада», а потом громко воскликнул: – А! – и картинно ударил себя по лбу, будто собеседник мог его видеть в этот момент. – Вы бы так сразу и сказали – «Роль секса»! Я вам что, обязан запоминать все эти дурацкие фамилии. «Роль секса в психосинтезе» – да, этой книжкой я торгую. Вас какое количество интересует?

Редькину страшно нравилось, как он ведет свою партию в этом диалоге. Разговор подходил к моменту кульминации, но бояться уже ничего не стоило – Бурнашов производил впечатление патентованного придурка. Редькин не ошибся: только полный кретин мог так сразу раскрывать свои карты.

– Мой шеф Эдмонд Меуков владеет правами на издание всех книг Стива Чиньо на территории СНГ. Поэтому мы намерены судиться с издателями пиратских тиражей. Ваш гражданский долг предоставить нам полные сведения об этих людях. Вы же не станете утверждать, что не знакомы с поставщиком книги.

– Не стану, – согласился Редькин, – но и сведений никаких не дам. Издатели – мои хорошие знакомые, а про вас я впервые слышу, извините.

– Очень жаль, – откликнулся туповатый Бурнашов. – Вы предпочтете сразу иметь дело с судебными исполнителями, или вначале мы все-таки переговорим?

– Да вы что, с ума сошли?! – обалдел Редькин от такого неожиданного натиска. – Может, вы еще в КГБ пожалуетесь? Я-то здесь при чем? Я просто торговец.

– В КГБ не обязательно, а в налоговую инспекцию – запросто, – отпарировал Бурнашов, оказавшийся не таким уж и тупым. – По-моему, нам просто необходимо встретиться.

– Хорошо, – сбавил обороты Редькин, – но я сейчас не готов ответить. Давайте телефон, и я вам завтра перезвоню.

Ох, давно это было! Но теперь Редькин чуть ли не дословно вспомнил свой разговор с Андреем Бурнашовым. Каждое слово могло означать нечто важное, по крайней мере, так представлялось, особенно после того, как очень серьезный человек Вербицкий выслушал его, не перебивая, и сейчас явно пытался вникнуть в любую мелочь этой, на первый взгляд, безобидной и давно позабытой истории.

А ведь вначале казалось так странно обращаться к Майклу по столь шизоидному поводу! Ну, причем здесь, скажите на милость, какие-то йоги и психологи?

В тот день Редькин, лишившийся чувств от известия о смерти Меукова – словно какая-нибудь изнеженная девица – в общем-то, довольно быстро пришел в себя, Маринке даже не пришлось применять никаких оригинальных средств или обращаться за помощью к соседям. Слава Богу, падал Тимофей на диван, и о твердые предметы не ударялся. Так что хватило холодной воды, брызнутой в лицо, ну а потом рюмка коньяка окончательно вернула несчастного к жизни. Лекарств решили пока не глотать.

А первым, что произнесла Маринка после завершения всей суеты вокруг внезапного обморока, была короткая и очень эмоциональная просьба:

- Позвони Вербицкому.
- Я же только что от него!
- Да нет, по поводу Меукова.
- Сдурела?! При чем здесь...

И тут же понял: все связано. Маринка чисто по-женски почувствовала это раньше. К Майклу она почему-то сразу, заочно прониклась необычайным доверием и уважением. И теперь рвалась познакомиться. Они так и пришли – вдвоем. Вербицкий не возражал, даже одобрил. Ведь он хотел составить для себя полную картину, и мнение еще одного человека было не лишним. Встречу удалось организовать только через два дня, зато информация со всех сторон была уже намного полнее, и опять же никто никуда не спешил. Разговор затянулся на несколько часов, и против обыкновения Майкл позволил супругам Редькиным изложить все по порядку и в подробностях. А было что излагать, ведь история с Бурнашовым имела весьма колоритное продолжение, да и предысторию небезынтересную.

Меуков тогда позвонил ему лично.

– Здравствуйте, дорогой друг, мы действительно очень хотим повидаться с вами в самое ближайшее время. Это намного серьезнее, чем вы можете себе представить, но совсем не так страшно, как иной раз предполагают некоторые...

Остатки смысла этой длинной тирады утопали в витиеватости и многословии, а голос по ту сторону провода был почти по-женски тонким и отрешенно бесцветным. «Педик обкурившийся!» – злобно подумал Редькин, хотя прекрасно знал, что и то и другое несправедливо.

Меуков не только не употреблял травку, но и обычного табака не курил. С не меньшим отвращением относился он к алкоголю. А также не был замечен в отклонениях от здоровой сексуальной ориентации. С женой, правда, развелся пару лет назад, но на сына исправно выдавал деньги. По слухам, отношения супругов окончательно испортились после того, как Эдмонд стал проводить на семинарах больше времени, чем в кругу семьи. Жена его Сима с простой фамилией Круглова, прозорливо не пожелала в свое время стать «меукающей» на пару с мужем. Она-то, кстати, и поведала Редькину секрет происхождения столь необычной фамилии.

Эдмонд был потомком достаточно солидного дворянского рода, и на Руси прадеды его носили вполне нормальную фамилию Майков. Скорее всего, и небезызвестный поэт Аполлон Майков приходился ему родственником. А уж Василий Майков (восемнадцатый век) – и того вероятнее. Выяснить это все наверняка представлялось несколько трудноватым,

зато доподлинно было известно, что в 1862 году братья Август и Карл Майковы отбыли во Францию, дабы поставлять ко двору Его Императорского Величества Александра Второго настоящий коньяк, а уж там, в провинции Шаранта прикинули хрен к носу, да и смекнули: чем чужие напитки продавать, лучше собственное производство наладить. Так в знаменитом городе Коньяке появилась еще одна коньячная фирма, выпускающая продукт не слишком оригинальный, но качества весьма достойного. Меж тем, если фамилию Майков записать латинскими буквами, любой француз прочтет ее как «Мэков». Шарантинские филологи, надо думать, голову сломали, прежде чем придумали, как правильно начертать на бутылках товарный знак, и получилось у них почему-то «Meukow» (по классическим правилам чтения – «Мёков»). Дальше дело было так: сын Августа оказался вольнодумцем, а внук Вольдемар и того хлеще – увлекся марксизмом-ленинизмом всерьез и в двадцатом году вернулся на родину предков строить новую жизнь. О том, что в тридцать седьмом его расстреляли, даже рассказывать не интересно – любой сам догадается, а вот на моменте, когда иммигранту краснокожую паспортину вручали, Сима остановилась поподробнее. Имя Вольдемар, понятное дело, заменили простым Владимиром, а вот с фамилией теперь уже русские мучались. Писать старый дворянский вариант комиссар со шрамом через все лицо от удара казацкой шашки категорически не советовал, да и Вольдемар не настаивал. А к тому же на подаренной московским товарищам бутылке французского коньяка красовалась традиционная майковская пантера. Вот из-за этой кошачьей ассоциации и родился скорее всего вариант Мяуков – просто и по-нашему. Однако паспортистка, тупо глядя во французские документы, скопировала все с точностью до буквы. Получайте пачпорт, дорогой товарищ Владимир Меуков!

Это и был дедушка Эдмонда. Отец же его с простым именем Михаил (в честь Фрунзе, а может, и в честь Калинина), своего сына, родившегося в «оттепель», рискнул назвать в честь французских предков. Вот такая милая история. Сима, видать, любила ее пересказывать, тем более, что родословная Кругловых была примитивна, как коромысло, и дальше двух бабушек, тихо умерших в деревне, и дедушек, погибших на фронте, раскопать что-либо не представлялось возможным.

Сима и жизнь свою предпочитала строить в общем-то по-простому – в хорошем смысле. Она тоже закончила психфак МГУ, преподавала, писала статьи и даже книги, разумеется, со всей неизбежностью общалась с тысячами шизов, задвинутых на эзотерике, магии и оккультизме, но сама удивительным образом сохраняла трезвость мысли. А Эдмонду и сохранять было нечего. Он едва ли не с младенчества считал себя романтиком, философом, контактером и хорошо еще, если не пришельцем из космоса. Лет до двадцати это все было здорово и чертовски привлекательно. Юный мечтатель Эдмонд и покорило-то юную Серафиму своими нетривиальными взглядами и недюжинными способностями: науки – в равной мере гуманитарные и точные – давались ему легко, языки еще легче. Немудрено, что уже к двадцати пяти крыша у эдакого талантища начала потихонечку съезжать, тем более, что и времена были не самые подходящие для высоколобых интеллектуалов.

Спасла начавшаяся перестройка и народившийся сын. Суровый быт заставил молодого папашу задуматься о деньгах, и умственная энергия потекла в практическое русло. Тогда и появились первые полуподпольные психологические семинары, первые брошюры, тиражируемые на ксероксе и компьютере, потом – хитрые выходы на зарубежных партнеров, благо с языками давно уже было все в порядке, потом командировки за счет тамошних фирм, создание совместных предприятий и в итоге – свой учебно-оздоровительный комплекс в Москве и свое издательство. Комплекс назывался до жути мудрено, Редькин никогда не мог запомнить порядок слов, да и за точность воспроизведения терминов не поручился бы – то ли Комплекс по трансперсональному психоанализу медитативной гештальт-сексологии, то ли по транссексуальному психосинтезу персонализированной гештальт-медитации. Хоть как переверни – одинаково абсурдно получается. А вот издательство называлось коротко так и незатейливо:

«Прана». Если б кто еще знал, что это словечко означает! Редькин случайно знал: прана – в переводе с санскрита – дыхание. Но это если буквально, в религиозно-философском смысле значений было существенно больше. Нормальный человек о подобной ерунде, понятно, не задумывался: прана так прана, хоть горшком назови. Вот только нормальным людям книжки меуковские и на глаза не попадались. Торговали ими преимущественно такие магазины, как знаменитый «Путь к себе» у Белорусской или салон «Энергия» на Плющихе, а там покупатели особенные, крепко подвинутые – уж кому, как не Редькину, знать об этом. Реализация эзотерической литературы давно стала для него не просто хобби, а вполне доходным бизнесом.

Что же до подробностей личной жизни Эдмонда, то получил их Тимофей из более чем достоверного источника – непосредственно от Симы Кругловой, которую посетил, конечно, не только для того, чтобы познакомиться с генеалогическим древом рода Меуковых. Встреча была сугубо деловой по замыслу. Ведь именно бывшая жена Эдмонда лично вручила Редькину ксерокс английского издания последней книги Стива Чиньо вместе с черновым вариантом перевода, сделанным студентами под ее собственной редакцией. Особенно приятны были для Редькина две вещи: во-первых, за перевод платить не просили, а во-вторых, мир тесен, и выйти на Симу оказалось совсем не сложно, даже к вездесущему Калькису за помощью обращаться не пришлось. И вот мстительная женщина, воспитывавшая теперь без отца двенадцатилетнего Меукова-младшего, согласилась, притом с нескрываемым удовольствием подстроить гадость бывшему муженьку. По ее сведениям, «Прана» готовила к печати солидный двухтомник Чиньо с комментариями, примечаниями и дополнениями – все это в благородном переплете и чуть ли не на зарубежной полиграфбазе. Понятно, что редькинское пиратское издание в мягкой пошловатой обложечке должно было опередить прановский хардкавер и обгадить Меукову всю малину на книжном рынке.

В общем, дело завертелось солидное, обещавшее могучие дивиденды. Имя чудаковатого итало-американца имело колоссальный успех в известных кругах, первая его книга «Роль секса в психоанализе», изданная на русском языке тиражом для служебного пользования, распространялась в списках еще в перестройку, но именно Тимофей с Маринкой при поддержке все того же Калькиса ухитрились первыми тиснуть коммерческий тираж Чиньо, да еще в то время, когда легко было выпускать любую литературу без опознавательных знаков и накручивать на нее произвольную цену в полном соответствии с ажиотажным спросом. Конец девяносто четвертого года. Нелегкие были времена, но по-своему славные. Теперь, спустя два с лишним года очень хотелось повторить успех. Серафиму Круглову им сам Бог послал.

Но до чего же странной (пугающе странной!) получилась у Тимофея встреча с ней! Может, отсюда и пошли все прочие странности?

Сима жила в городе Железнодорожном – не Бог весть какая даль, но это если электричкой от Курского, а если на автобусе от Щелковской – черт знает как утомительно. «Москвиченок» был не в том состоянии, чтобы пилить на ночь глядя по морозу, и добираться пришлось на электричке. Маринка мужу компанию не составила – сидела дома с внучкой, так как у Верунчика по четвергам курсы массажа допоздна. В общем, Тимофей отправился в путь в полном одиночестве, а душа его разрывалась от приятных ожиданий – ну, прямо как на свидание ехал! Такая дурацкая мысль посетила его, возможно, под влиянием Генри Миллера – в дороге «Тропик Рака» читал. Да к тому же Сима по телефону высказалась странно: – Тимофей, я назначаю вам *рандеву* на двадцать ноль-ноль.

Неуместно архаичный термин «рандеву» загадочным образом выцепил из головы Редькина другое французское слово – адюльтер. «Адюльтер, рандеву, адюльтер, рандеву», – вертелось под черепом у Тимофея, словно француз-ловелас и не менее игривая француженка гонялись там друг за другом все быстрее и быстрее.

Ну а когда он приехал и, свернув с главной улицы, насилу разыскал нужный дом в слабо освещенном квартале, где снегу намело по окна первых этажей и дверь в подъезд едва открывалась, то сразу ввалился с мороза в уютное тепло, и выяснилось, что меуковская боевая подруга – кроме шуток! – как нельзя удачнее подходит на роль коварной искусительницы. Худенькая, но фигуристая, с гладкой кожей юной девочки и большими печальными глазами умудренной опытом сорокалетней женщины она была просто неотразима. Да и вела себя предельно раскованно, можно сказать с нарочитой сексапильностью. Местами свободная, а местами облегающая кофточка и джинсовые шорты с бахромой подчеркивали все ее прелести, а в поисках книжек и рукописей по многочисленным полкам она то приседала, широко раздвигая колени, то оттопыривала аппетитную круглую попку, то наклонялась перед гостем, как бы невзначай демонстрируя явное и полное отсутствие бюстика. Потом прикатила маленький столик с двумя чашечками крепкого кофе и хрустальной сахарницей, очень трогательно забралась в кресло с ногами, и наконец переместилась на диван – все это, заметьте, по ходу милой беседы о «Роли секса в психосинтезе»(!) А там, на диване, Сима начала увлеченно вспоминать всякие асаны из хатха-йоги и кое-какие из тех асан, а говоря по-русски, весьма причудливых поз показала Тимофею в лучшем виде, и еще комментировала с виноватой улыбкой:

– Я сегодня не совсем в форме.

«Для йоги – может быть, но для того приятного дела, роль которого столь высока в психоанализе, а равно и психосинтезе...» – подумал Тимофей.

Он распаялся теперь уже не на шутку и неизвестно, чем бы все кончилось (точнее, как раз хорошо известно), если б не присутствие мальчика Кузьмы. Квартира-то у Кругловой была двухкомнатная, но сын сидел тут же, в маминой спальне-кабинете, за ее компьютером. Собственно, паренек третий час подряд играл в «Цивилизацию», невзирая на поминутные просьбы заканчивать это безобразие. Хитрый Кузя, у которого разве что уши торчали наружу из монитора – все остальное давно было там, в виртуальной реальности – пользовался ситуацией: мама, увлеченная собою – что может быть лучше? Кто именно к ней пришел, и что она там вытворяет, сынулю, как видно, занимало не слишком, главное, его не трогают. Так что умом-то Редькин понимал: присутствие мальчика чисто формально, и если они, к примеру, удалятся из комнаты, чтобы быстренько перепихнуться где-нибудь в ванной или на кухне, да еще телевизор при этом погромче включают, Кузьма и не заметит десятиминутного отсутствия мамы.

Да, умом Редькин прочитывал это, но душа подобного варианта не принимала – было в нем нечто. То ли непристойно грязное, то ли пугающе шизоидное. Второе точнее. «Ведьма она!» – мелькнула совсем уж дикая мысль. Но если вдуматься, ничего дикого. Это в средневековой Европе сексуально активных женщин считали прислужницами сатаны, а на Востоке, например, все совсем по-другому. При чем тут Восток, спросите? Ну, как же. Психологи, они же все с восточным складом ума, не случайно рука об руку с психологией шагают всякие там праны, асаны и прочие рамааны... «И хочется и колется, – стучало в мозг, – и хочется и колется!» А про Маринку он даже и не вспоминал в тот момент.

– Тимофей! – окликнула Сима, словно откуда-то издалека. – А вы...

Она коснулась пальцами его руки. Попыталась коснуться. Но маленькая голубая искорка с осязательным потрескиванием пронзила воздух между их телами. Его и ее одновременно ударило электрическим разрядом. Тимофей вздрогнул, Сима отдернула ладонь, потом оба рассмеялись и сказали почти в одно слово:

– Бывает!

– Тимофей, – вернулась Сима к начатой мысли. – Вы на электричку не опоздаете?

– На последнюю? – испугался он.

– Ну, до последней еще далеко, просто у нас перерывы сейчас большие. Вам надо потопиться, следующая часа через полтора, а автобусы совсем скверно ходят. В общем, если не успеете, возвращайтесь. Договорились? В тепле посидите, в крайнем случае, я вам такси по телефону вызову... Кузьма! Сколько раз говорить: выключай игрушку, умывайся и ложись немедленно! Одиннадцатый час, а тебе завтра в школу!.. Договорились? – еще раз переспросила она жарким шепотом.

Редькин уже ботинки надевал, с трудом попадая кончиками шнурков в дырочки.

– Хорошо, хорошо, Сима, спасибо вам за все!

– Книжки не забыли?

– Нет, нет, все здесь...

Другой даме он бы на прощание хоть руку поцеловал, а то и в щечку чмокнул – после такого-то чудесного вечера с доверительной беседой и ароматным кофейком. Но с Серафимой это было невозможно: какие ручки, какие щечки! Сказать, что эта женщина нравилась ему, что она его возбуждала – значит не сказать ничего. Да она его наизнанку выворачивала, а после превращала в один огромный фаллос и втягивала, всасывала, втаскивала в себя с неумолимой силою. И от этого делалось страшно.

Тимофей сбежал, а не ушел. Но конечно, он опоздал на электричку, Сима ему время отправления на десять минут позже указала. Вряд ли случайно. И Редькин час с лишним ходил по обледенелому перрону, борясь с чудовищным искушением, и теперь уже думал именно о Маринке. Кузьму, утомленного «Цивилизацией», можно было выкинуть из головы. А вот Маринка явно не заслуживала от любимого мужа такой пакости. Не позвонить домой – она же с ума сойдет за компанию с Верой Афанасьевной. А позвонить и сказать, что заночует у Кругловой!.. Тогда уж надо на Симе и жениться.

Мороз пробирал до костей, едва удерживая сигареты в скрюченных пальцах, он смолит одну от другой, а после курево кончилось, и Редькин зашел в здание вокзала, рискуя пропустить долгожданную электричку, и обнаружил, что в вокзале за продувными стеклянными дверьми такая же холодина, или это просто внутри уже вымерзло все, там, глубоко внутри, под кожей и ребрами, где хранится обычно главное человеческое тепло...

И как он не простудился в тот раз?! Впрочем, известно как. В дороге даже читать не мог. Ехал, как пьяный, на автопилоте, а в дом вошел и оттаял враз. Все уже спали, кроме Маринки.

– Ну как, нормально?

– Все просто отлично! – стуча зубами, процедил Редькин.

– Замерз? – заботливо поинтересовалась супруга.

– Не то слово! Еще чуть-чуть, и я бы там помер, в этом гребаном Железнодорожном!

– Раздевайся скорее, я тебе сейчас водки с перцем налью, – предложила Маринка.

И так это его тронуло, что он обнял супругу, прижал к себе, прошептал нежно:

– Спасибо, Маришка!

И тут же следующую мысль высказал вслух, не удержавшись:

– А эта потаскуха Круглова кроме кофе ничего мне не предложила!

– За что ты ее так? – удивилась Маринка. – Отличную же нам книгу раздобыла.

– Да не в том дело! Просто ей без мужа, по-моему, трахаться не с кем – вот она на мужиков и бросается, как ведьма.

– И на тебя, что ли? – Маринка игриво (а вовсе не обиженно) улыбнулась.

– Н-ну, почти... Клеилась ко мне отчаянно. Честное слово.

– Да иди ты! У нее же сын там, почти взрослый...

– Ну и что, сын? Двенадцать лет ему, но мне кажется, она и при нем кого хочешь трахнет.

– Тимка, чего ты мелешь?

Маринка спрашивала добродушно, весело, без малейшей тени подозрения. От этого сделалось еще приятнее, и он рассказал ей все. Все как было на самом деле. Через двадцать лет совместной жизни рассказывать жене *все как было на самом деле* – это настоящее счастье.

Они сидели на кухне, пили водку, говорили о сексе, об изменах, о любви, и было уже четыре утра, и спать совершенно не хотелось. Редькин полностью и окончательно отогрелся.

Но самое любопытное, что и эту трогательную историю Вербицкий выслушал со вниманием. Не перебивая, словно был теперь их семейным психоаналитиком. А впрочем, в стенах Центра содействия браку и репродукции (так, что ли?) подобные истории считались, поди, делом житейским. Однако в итоге юрист от Бога, верный себе, выделил главное и задал ключевой вопрос:

– Так и что же за семинары такие вел Меуков, из-за которых его жена бросила?

А семинары-то были примечательные, и подробно рассказала о них Редькину опять же сама Серафима, как раз в тот вечер. Что называется, к слову пришлось. Тематика занятий бывала различной: «Постижение коллективного космического разума», «Укрощение энергии кундалини», «Обучение сознательному холлотропному дыханию», еще пятнадцать-двадцать вариантов. А суть всегда оставалась одна. В шикарном подмосковном доме отдыха собирались молодые люди, страждущие приобщиться к великим тайнам древнего знания и платившие за оное приобщение немалые деньги. Молодым людям читались лекции о всяких мудреных премудростях и, конечно, о сексе – с демонстрацией картинок, фильмов и даже отдельных позиций на специально отобранных моделях, то есть живых людях, как мужского, так и женского полу. Короче возбуждали всех присутствующих до крайней степени озверения а под занавес объясняли, что основная задача обучающихся – подавить в себе либидо, то есть, говоря по простому, похоть – и трансформировать сексуальную энергию в иную форму – интеллектуальную, физическую, творческую. Задача эта, вещал Меуков, благородная и очень непростая. А дабы неповадно было обманывать Учителя, бытовала система взаимной слежки и доносов. По неписаному уставу семинарского сообщества, нарушившие клятву платили штраф в размере полной стоимости обучения (баксов триста, а то и четыреста) и покидали дом отдыха немедленно. Нарушителями считались как вступившие в половое сношение (в любой форме) так и мастурбирующие. Нечего и говорить, сколь велик был дополнительный и никем не учтенный доход Меукова на подобных мероприятиях.

А к тому же, Сима не без оснований подозревала, что верный традициям знаменитого гуру Махариши, призывавшего в свое время к воздержанию абсолютно всех, кроме себя, Меуков тоже не считал нарушением клятвы половые контакты с Учителем, особенно если в них намеривались вступить красивые юные девушки. Так что у женского пола на семинарах Меукова обнаруживалось явное преимущество. Ходили, кстати, слухи, что и мужчина мог удовлетворить сексуальные потребности тайно и без позора, вот только ему, слабому духом, обходилось это в кругленькую сумму – от двукратного до пятикратного размера штрафа – в зависимости от ситуации. Ибо сказано: «За грехи да заплачено будет страданием». А деньги потерять – разве это не страдание?

Трудно было сказать, что обижало Симу сильнее – регулярные измены Эдмонда (не доказанные, впрочем), или скрываемые от жены деньги, которые греб он на эзотерических подмосковных оргиях, как видно, лопатой.

Вербицкого, безусловно, второе заинтересовало намного сильнее.

– Чудненько! – подытожил он. – Первый раз в жизни встречаю такую лирическую порнотень.

Майкл умел давать необычайно тонкие и точные определения жизненным ситуациям. Особенно в тех случаях, когда они вызывали у него живой интерес.

– Видать, неплохие бабульки зарабатывал этот ваш Мурлыкин. А вы и не поняли с кем связались... Опять же – как его убили, вспомните на секундочку. Или я не успел вам рассказать? Ребята с Петровки утром мне доложили. Это же не просто кино – это полнейший кордебалет в сметане! Или, как говорит один мой знакомый альтист, штурдель по-венски до-мажор. Представьте, вашему приятелю всаживают пулю в лоб из самодельного револьвера калибра пять и шесть, а вместо контрольного выстрела, который был уже абсолютно не нужен, кстати, разносят башку простым кирпичом. Не знаю, может, у древних индусов было принято убивать именно так, но в Москве за последние сорок лет подобное впервые, если верить сводкам МВД...

– И что это значит? – ошалело спросил Редькин.

– Если б я сам понимал! – скромно улыбнулся Вербицкий и добавил с непонятной интонацией: – С таким знанием стоило бы уже сидеть не здесь, а руководить издательством «Смегма» (или как его там?), а заодно и центром порнопсихологии... Я между прочим, серьезно говорю. Там у ребят бизнес солидный, нутром чую – это вам не новехонькие «нивы» старыми «волжанками» шарашить! Но связь есть: кирпичом по простреленной голове, машиной по машине – шизуха и там и там.

Редькин поморщился от этого черноватого юмора, но суть воспринял правильно.

– Хорошо, – сказал он, – если история с Меуковым действительно поможет нам во всем разобраться я, наконец, перехожу к главной части рассказа. К тому единственному случаю, когда мы лично общались с этим невинно убиенным.

Человека еще даже не похоронили, а они с Вербицким устраивали своего рода пляски на гробах. К добру ли это – такой легкомысленно ироничный стиль разговора? Но уж сходить с ума – так широко, по-нашенски. К добру ли были все те звонки с тяжелым дыханием в трубку? А металлический грохот в ночи под окнами? К добру? И пусть сегодня Меуков назван врагом условно, но если чувствуешь себя благородным героем, таким Дон Кихотом, то и с ветряной мельницей поединок будет настоящим. В данном случае стратегию предстоящей битвы следовало разрабатывать именно по шизоидным правилам. Эдмонд Меуков не из тех, кого можно умертвить простым выстрелом, даже с кирпичом вдогонку – от такого чудодея обязательно останется какое-нибудь астральное тело, или возникнет новая аватара. Да, в этой инкарнации Меуков свое похоже *отмеукал*, но кто ж его знает, сколько у него жизней – две или целых девять? И против всей этой чертовщины обычные методы не годятся – тут нужны правильные заклятья, чеснок, святая вода, осинового колья, серебряные пули... Что там еще? Вспоминали все втроем, и от игривых шуточек развеселились сверх всякой меры, как дети. Что это было? Временное групповое помешательство? Да нет, партию вел все-таки Майкл, а он себя контролирует и в выкладках ошибается редко, значит, так и надо было...

Историческую встречу Эдмонду и компании назначили в тихой конторке Артема – того самого торговца пивом, который позднее «Китайскую астрологию» Редькиным подбросил. Нет, Меукову назначили не встречу, а *рандеву*. Тимофей так и сказал по телефону, упиваясь собственным остроумием:

– Дорогой друг! Я назначаю вам randevu в двадцать ноль-ноль.

То есть дословно повторил фразу Симы, хотя Меуков вряд ли мог оценить это – ведь не прослушивал же он ее телефонные разговоры. Скорее уж мысли читал. В телепатию Тимофей, конечно, не верил, но то что конкурент его о чем-то догадывается, почувствовал еще на расстоянии. А уж когда лицом к лицу сели, Редькин всеми фибрами ощутил явное свое превосходство, как молодой любовник перед мужем-рогоносцем. И какая разница, что Меуков давно не муж, а грехопадения как такового не было – натуральные козлиные рожки зримо прорисовывались над головой хваленого психолога.

А скромный офис Артема располагался на Садовом кольце между Курским и Таганкой в весьма примечательном месте – во дворе дома, выходящего углом на набережную Яузы, того самого, где с девяностого года висит печальная доска в память Андрея Дмитриевича Сахарова. Кратчайший путь к Артему и пролегал аккуратно через сквозной сахаровский подъезд, еще хранивший, казалось, в своих углах мрачные воспоминания о дежуривших здесь днем и ночью гэбэшных дятлах. Да и сам дворик был весьма специфическим. В направлении четырехэтажного флигеля какого-то азотного НИИ вели тропинки и лесенки, сбегавшие все ниже и ниже, а если ехать на машине, так к обшарпанному подъезду, возле которого парковался вечно старенький заслуженный «каблучок», громыхавший ящиками с пивом, спускаться приходилось по натуральному серпантину южного образца, и спускаясь, аккуратно притормаживать на поворотах жутко разбитой дороги и удивляться без устали, какие же странные места можно обнаружить в самом центре Москвы. Вряд ли стоит объяснять, что никаких фонарей на серпантине этом отродясь не имелось и по темному времени объезжать жуткие ямы и колдобины было особенно романтично.

Редькин долго объяснял Бурнашову, куда именно надлежит прибыть, и вовсе не был уверен, что тот достаточно хорошо понял, тем более, что не водил сам машину. Однако выходить на Садовое встречать конкурентов, почти врагов, было *методологически неверно* (все любимые словечки Майкла оказывались необычайно заразительными, а он, судя по всему, знал об этом и не воспринимал цитирование как подколку). В общем, Редькины вместе с Артемом сидели и ждали этих чудачков. Артем был спокоен как танк, а Тимофей и Маринка нервничали крепко.

С опозданием всего на три минуты на серпантине появились огни фар. Один поярче, другой помутнее, и Редькин сразу понял, что это именно они. В почти кромешной темноте из четырех дверей трепаного «жигуля» одновременно вывалились четыре фигуры, показавшихся сослепу массивными, и вдруг, на какую-то секунду Редькину стало невыносимо страшно. Модное слово «разборка» облекалось в реальную форму, мерещились уже пушки с глушаками, удавки и прочая киношная жуть. Но когда прибывшие чудачки шагнули в круг света перед подъездом, стало ясно, что бояться решительно нечего. То есть даже наоборот. Маринка после не раз и не два повторяла, что только полные придурки могли согласиться приехать в такое место по доброй воле без оружия и охраны, не наведя толком справок, с кем имеют дело. Ну, просто грех было не отметить таких чайников, не отнять у них все карманные деньги и не угнать машину! Но Редькин с Артемом этот грех на душу взяли.

Собственно, Артем-то что? Он откровенно развлекался – не каждый же день наведываются в офис такие забавные клиенты. Предельно добродушный парень, зла он никому не желал и не делал, но любил потрепаться о наездах и вышибании денег, о пристегивании наручниками к батарее и засовывании паяльника в задницу. На лохов подобные разговорчики производили впечатление, особенно вкупе с выдающимися физическими данными Артема – рост под два метра и вес килограммчиков сто тридцать без особых избытков жира. Впрочем, на этот раз прямые угрозы не понадобились. Артем после объяснил: «Убогих обижать нельзя – это грех большой. Они вон от одной моей рожи в штаны наложили!» Он, как всегда, преувеличивал, но в сущности роль туповатого амбала сыграл хорошо. Щуплый Редькин по контрасту давил гостей интеллектом, а Маринка создавала элемент тайны столь необходимый в общении с настоящими шизами.

В общем, переговоры начались что надо – по люксу. До прямых выяснений, кто кому сколько должен дело так и не дошло, потому что долгов никаких ни одна из сторон за собой не признала. Зато дошло до вполне серьезного обсуждения подачи кассационной жалобы в Международный Суд в Гааге. Для Меукова, похоже, Гаага была местом более близким, чем Курский вокзал. Редькин даже не удержался и изысканно пошутил:

– Все говорят, Гаага, Гаага, а я как не поеду в Гаагу, все попадаю на Курский вокзал!

Помнил ли кто-нибудь, кроме него и Маринки, знаменитое начало «Москвы – Петушков», осталось неясным, но Меуков явно обиделся и благодаря этому сползание разговора в окончательный маразм было предотвращено. Еще раз три прошли по замкнутому кругу (– Кто издал книгу? – Знаю, но не скажу. – Кто возместит нам убытки? – Есть разница между убытками и недополученной прибылью. – Но мы запрещаем вам торговать нашей книгой. У нас эксклюзивные права на нее. – Запрещать могут официальные органы. – Значит подключим. – Подключайте. Я заплатил за книгу, и если не буду продавать, вот тогда действительно понесу убытки. Я понесу...)

Наконец, не выдержал Артем.

– Мужики, – сказал он, – я Тимофея знаю давно. Он книжками торгует честно и культурно, не хуже, чем я пивом. Значит, давайте договоримся по-простому. Ту партию, которая у нас осталась, мы спокойно сливаем по традиционным каналам, потому что... *Да потому что нельзя быть красивой такой!* Товар, за который *уплочено*, должен уходить своим порядком – это закон, мужики. Тут хоть в Гаагу поезжай, хоть в Папуа Новую Гвинею. А вот следующую партию он у поставщика брать не будет, раз уж вам это так неприятно. Правда, Тимофей?

Редькин истово кивнул, ничуть не покривив душой перед Богом, так как никакой следующей партии просто не существовало в природе. Была теоретическая возможность допечатать тираж. Но в сложившейся ситуации только сумасшедший рискнул бы так нарываться...

В ответ взял слово печальный задохлик Бурнашов, но у него только голос был непропорционально солидным, а смысл сказанного тихо растаял в наступившей за этим тишине. Бледный парень, условно названный водителем, бешено вращал выпученными глазами, как наркоман за полчаса до начала ломки, и способен был разве что подвяхивать. Свита явно рассчитывала на колдовскую силу своего шефа. Наиболее болтливым оказался четвертый участник randevу, представившийся как зав. отделом распространения издательства «Прана» – нечесаный, неумытый какой-то, в жутко мятых, заляпанных грязью брюках (а ведь в машине вроде ехал!) и патологически тупой человек. Этот свято верил, что для книжной торговли достаточно знания арифметики в объеме трех классов средней школы. Редькин не стал разувверять его. Предпочел нарисовать на скорую руку цветистую схему производства и реализации пиратских изданий Чиньо, несказанно поразившую воображение этого великого книжника. В условной схеме, сочиняемой на ходу, упоминались захолустные города ближнего зарубежья, несуществующие фирмы с милыми названиями вроде «Красная нирвана» или «Мальтийский крест» (Боже, при чем здесь кинематограф?!) и невероятные имена типа Евдоким Коринфаров и Маланья Бурлескова. Книготорговый тупарь скрупулезно записывал в свой блокнот всю эту вдохновенную ахинею, а Редькин только молился всем богам, как бы ему не расхотаться в самый неподходящий момент.

Вот, собственно, и все, что реально произошло в тихом офисе торговца пивом Артема на безумном randevу с Меуковым. Но это так сказать в зрительно-слуховом ряду. В сфере же астрально-психологической бушевали намного более сильные страсти. Да, Редькин блестяще обманул Меукова и его шизов (даже водитель был у них явно не в себе). И, разумеется, все претензии материального порядка были решительно отклонены за отсутствием состава преступления – но не в этом же было дело, и теперь, спустя полгода, оно стало особенно ясно. Ведь сильнее всего запомнилось, как Эдмонд пялился огромными по-детски голубыми глазницами на Редькина и отдельно на Маринку (на Маринку, пожалуй, даже больше). Похоже, он искренне верил в свою гипнотическую силу. На Артема, кстати, Меуков поглядывал лишь искоса – сообразил все-таки, что этот буйвол никакому гипнозу по определению не подвержен. А вот Маринка включилась в игру всерьез и строила Меукову глазки, и ноги крест накрест перекладывала а ля Шэрон Стоун из «Основного инстинкта», благо в юбке была, а не в джинсах, в общем, сбивала проклятого колдуна с панталыку. «Я ему за Серафиму отомстила, ну то есть за тебя, – сбивчиво и чуточку бестолково объяснила потом

Маринка, но Тимофей-то понял. – Вот хочешь верь, а хочешь нет, но в какой-то момент он руку в карман брюк запустил и как бы невзначай свое хозяйство в трусах поправлял. Проняло, значит». Может, Маринка и переоценивала свои чары, но вообще-то в сумасшедшей этой истории Редькин готов был поверить во что угодно.

Потом шизы уехали. Артем немедленно закурил (Меуков слезно просил при нем не дымить) и предложил выпить пива. За счет заведения, разумеется. Пиво оказалось хорошим, настроение – и того лучше, в общем, день закончился на сугубо мажорной ноте.

– Возможно, именно ноте «до», – добавил в завершение Редькин, – ноте, соответствующей штруделю по-венски.

Вербицкий улыбнулся, по достоинству отмечая цепкую память клиента, и сделал вдруг неожиданный вывод.

– Вы тогда неверно поступили, ребята. Нельзя было их просто так отпускать.

– Почему?! – обалдела Маринка.

– Потому, – сказал Вербицкий, – Если партнер дает слабину, с него надо брать максимум. Надо все выжимать, до последней копейки... Ну, да ладно. Что теперь говорить...

«Что-то случилось с Вербицким», – подумал Редькин.

Он, помнится, еще от Константина слышал неоднократно цитируемое изречение Майкла: «Никогда нельзя выжимать последнюю копейку – жадность до добра не доведет». Что же это случилось с ним?

А Майкл помолчал, взял трубку телефона, позвонил куда-то, бросил пару ничего не значащих фраз тихим голосом и грустно констатировал:

– Ну вот, теперь вашего Кусачева найти не могут.

– В каком смысле? – удивился Редькин.

– В самом прямом. Скрывается он.

– А Игорь? – спросил Редькин с надеждой.

– Игорь – тем более. Он уже третий день в бегах.

– А деньги? – вырвалось у Тимофея.

– С деньгами-то как раз все в порядке. Шефы вашего удальца над этим вопросом работают, и сроки выплаты скоро будут согласованы, вот только дело уж больно запутанное. Чересчур запутанное, – решил уточнить Майкл.

А Кусачев ни от кого не скрывался. Для него в тот момент это было уже чуточку слишком сложно. Вечерний выпуск любимого Маринкой «Дорожного патруля» внес ясность в ситуацию. Юный Кусачев был с утра пьян, плохо закрепил машину на подъемнике, и оказался задавлен насмерть старым «уазиком», который чинил на родном сервисе. И как это возможно? Несчастный случай. Такой вывод сделала опергруппа, прибывшая на место происшествия и вместе с ней лихие корреспонденты с ТВ-6. А Редькиных обоих как ошпарило. Ну, скажите, кто бы на их месте в несчастный случай поверил?

– Слушай, – выдохнула побледневшая Маринка, – не надо мне никаких денег. Давай просто прекращать всю эту бодягу.

И добавила совсем уж глупо:

– Жить-то хочется.

Редькин в принципе был согласен, но промаялся весь вечер в сомнениях. Только ночью, часа в два накрутил заветный номер. Вербицкий разрешал звонить ночью. Утром – ни за что, а ночью – пожалуйста.

– Майкл, ты слышал, что Кусачева убили?

– Я слышал, что Кусачев погиб, – остороженько так поправил Майкл.

– Но мне не надо никаких бабок по этому делу! – с сердцем выпалил Редькин. – Я снимаю задачу! Слышишь? Извини, Майкл.

Вербицкий очень долго молчал. Словно выжидал новых истерических всплесков. Потом спокойно начал комментировать:

– Ты готов меня выслушать? Тогда слушай. Первое. Никогда не произноси таких слов: «мне не надо денег». На первый раз прощаю, а в следующий действительно не получишь ни цента. Второе. Убийство Кусачева еще надо доказать, и это не твоя забота. Наконец, третье. Если я занялся каким-то делом и ни от кого не получал аванса, я как правило решаю сам, продолжать мне им заниматься или нет. Твое дело меня заинтересовало, и я буду продолжать, что бы ты мне сейчас не говорил. Андестэнд? А тебе просто надо отдохнуть от всей этой чехарды. Плюнь на милицию и ГАИ. Плюнь на Мурлыкина и бандитов. Займись своими книжками. Тачкой своей займись, сделай из нее конфетку. Я тебе как другу советую.

Маринка прижала ухо к трубке с другой стороны, ловила каждое слово Майкла и с энтузиазмом кивала. А когда Тимофей дал отбой, сказала почему-то шепотом:

– Он прав. Пусть занимается! А мы давай плюнем на все.

Плюнуть на все оказалось не просто, но на многое плюнулось автоматически. Поездка на дачу своим ходом на два дня прошла тихо-спокойно. Вере Афанасьевне наплели, что «Москвич» уже продали сдуру, а «Тайгу» как раз на техобслуживание поставили – дешевый вариант подвернулся. Если б она еще понимала в этом что-то! Первый шок от случившегося Редькины уже пережили, настроение было нормальное, к тому же соскучились по своим, то есть Маринка по матери, Верунчику и внучке Дашеньке, а Тимофей просто по любимым местам, по тишине, по возможности не вздрагивать от телефонных звонков, может быть, чуть-чуть и по зятю Никите, с которым приятно было хлопнуть по пивку да поговорить за жизнь. Редькин пивко, конечно, водочкой догружал – иначе кайфа никакого, а зять-спортсмен был в принципе не пьющим – только в жаркий день и позволял себе баночку-другую хорошего пива (говорил, от этого мускулы лучше растут). Словом уик-энд на даче как-то всех успокоил, и в Москве Тимофей с Маринкой с новыми силами принялись за работу. Вербицкому нарочно не звонили, и он их не трогал. Бурцеву звонили регулярно, ездили к нему, уточняли детали, кое-что и впрямь приделали к машине нового, чего раньше вообще не было – подкрылки, магнитола, фаркоп, звукоизоляцию полов, обогреватель заднего стекла... Конфетка не конфетка, но чтобы все как у людей. И никто их не беспокоил, никто больше не звонил по поводу разбитой «Нивы» и убитого Меукова, жизнь текла строго по сценарию Майкла.

Один раз только Редькин от сценария отклонился. Это уж перед самым сентябрем было. За обедом выпили по случаю пятницы, он расслабился, а Маринка к подружке ушла до ночи. Редькин почитал чуток, но начало в сон клонить, он включил компьютер, поиграл в «Супаплекс», еще в какую-то ерунду, потом полазил по деловым файлам – любил иногда документы в порядок привести, вспомнить каких-нибудь контрагентов из прошлого, бывало даже интересные бизнес-проекты таким образом рождались. Но сейчас родилось другое: необъяснимое желание позвонить Симе Кругловой. Благо Маринки дома нет. Во глупость-то! Он же ничего не скрывал тогда, да и с какой стати звонить, по какому поводу? Уж лучше тогда этой позвонить – соседке Юле с ирландским сеттером! Ассоциация сработала примитивно сексуальная, и он тут же одернул себя. Юлька – это про другое, Юлька – это как фея из сказки, нужен он ей, старый козел! Тут же вспомнилось, что и в Москве ее нет, Маринка же собиралась с отцом Юлькиным связаться, с полковником милиции. На предмет все того же дела, да они всей семьей куда-то в Европу отдыхать укатили. Мысли снова вернулись к Симе, телефон искать не пришлось, он был тут же, в компьютере, и трубка лежала рядом.

Оказалось, как раз девятый день. Это уж он потом сообразил. Серафима к телефону подошла сама и сразу. А голос странный такой – пьяная, что ли? Вроде не пьет она, если он правильно помнил...

– Сима, здравствуйте, это Тимофей. Мне, право, неудобно, но хотелось услышать именно от вас, что же все-таки случилось с Эдмондом...

– Тимофей? Редькин?! – неумный восторг по ту сторону провода. – Дорогой! Милый! Приезжай же ко мне скорее! Приезжай! И я тебе все расскажу. Слышишь, милый? Ало! Ало!

Тимофей бросил трубку, как змею.

«Вот уж действительно, с шизами свяжешься – сам таким станешь!»

Первым желанием было – позвонить Вербицкому. Потом одумался: а что он скажет? Информация-то неконструктивная. Может, еще поделиться с Майклом своими хрупкими мечтами о девушке Юле? Ну тогда уж надо все самое сокровенное в одну кучу валить: и как у них с Маринкой с некоторых пор в постели не все ладится, и как Тимофей по утрам горькую пьет, когда уж совсем невмоготу, и как однажды спяну под душем онанизмом занимался, потому что порнухи насмотрелись, а супруга, увлекшись вкусным коктейлем, перебрала малёк и ни на что уже не годилась... Редькин представил себе как выдает подобный текст Вербицкому, особенно красиво, если по телефону и ночью, в тот же миг окончательно протрезвел и решил, ни с кем не советуясь: не будет третьего безумного randevu, ни к какой чокнутой Серафиме ни за какие коврижки он не поедет. Все.

Но дело-то этим не кончилось. Судьба наказала Редькина за грешные мысли и глупый звонок.

В тот же вечер Майкл позвонил сам.

– Слышь, Тим, до ноября можешь успокоиться, а где-то после пятнадцатого они считаются, и ты получишь свои три с половиной. Я столько обещал?

– Ты обещал две с половиной, – нерешительно проговорил Редькин.

– Правильно, но я же говорил, что может быть больше. А я ничего зря не говорю. И второе. Игоря нашего пристрелили. Но это не имеет к тебе ровным счетом никакого отношения. Запомни. И не надо психовать. Если б узнал не от меня, дергался бы только сильнее. Правильно?

– Правильно, – прошептал Редькин через силу.

– Что ты там лопочешь еле слышным голосом? – возмутился Майкл. – Я же велел не психовать. На той неделе заезжай ко мне. Коньячку попьем, поговорим спокойно...

– Спасибо, – проговорил Редькин чуть громче.

К Майклу он не поехал, конечно, не до того стало, но Маринке про звонок рассказал – утаивать просто опасно было, и они уже вдвоем всю ночь измышляли гипотезы одну другой страшнее. Что ни говори, а еще один труп на пути четы Редькиных появился. Случайность, не случайность, но невольно задумаешься: ох, как-то не так живем, ох, не так! А Тимофею особенно тяжело было. Ведь хватило же ума о разговоре с Кругловой не рассказывать – пожалел Маринку – но сам-то только и думал об этом. Все думал и думал.

Глава пятая НОВАЯ ЖИЗНЬ

А потом все как-то утряслось. Затихло как-то, забылось в суматохе будней. Привезли с дачи всю шумную ватагу домочадцев, перед этим получили из ремонта любимую «Ниву», машина выглядела краше прежнего. Не грех стало рассказать Вере Афанасьевне всю правду об аварии. Теща поохала, поохала, но даже валокордина пить не стала – чего уж теперь! Дело прошлое, слава Богу закончилось все. В суд даже она обращаться не советовала, хотя и была человеком, безусловно, старой закалки. Но, как показывает практика, после перестройки годочков пять в России проживешь – и от любой закалки ни шиша не останется, только глубоко запрятанный страх, да безразличие к чужим проблемам. Не трогают тебя, и радуйся, а уж на помощь – надеяться забудь. Конечно, всех подробностей Вере Афанасьевне не изложили. То, что про Меукова, ее вообще никак не касалось – и раньше и теперь, а про местных бандитов, которые зарвались и были сурово наказаны, сообщить пришлось. Жутковатая история для пожилого человека, но что поделать, среди них, пожилых, местные новости, быстрее, чем среди молодежи распространяются, все равно ведь узнает, так уж лучше сначала самим, в семейном кругу обсудить. Еще раз теща поохала-поохала. Но зато лишь яснее сделалось, что в суд подавать не только не за чем, но и не на кого.

Начались трудовые будни. В «Ниву» при сложенном заднем сидении влезало до семидесяти полновесных пачек, правда, при этом на поворотах подкрылки начинали чиркать по колесам, но все равно здорово – «Москвич» никогда больше пятидесяти пачек не тянул, да и сорок грузить в него было уже страшно. На грузоподъемность и ходовые качества удар никак не повлиял, а что касается товарного вида, Валька Бурцев со товарищи сделал все, что мог и даже немного больше. И за что он так проникся к прижимистому Редькину? Некоторый свет на эту загадку пролил сам Бурцев, когда они расставались. Руку пожал, улыбнулся:

– Ну, дорогу теперь знаешь, приезжай еще. И дай Бог, чтобы только на замену колодок и масла! – а потом вдруг добавил, словно все время не решался, а теперь, при последнем разговоре – уже деваться некуда: – Слушай, Тимка, а ты не знаешь такого человека по имени Давид Маревич?

Тимофей напряг извилины, на раз не вспомнил и решил уточнить:

– А он кто?

– Журналист, – сказал Валька, – бизнесмен, вроде даже писатель, в общем из ваших кругов – это точно.

На сервисе Бурцева любили клиентов из мира творческой интеллигенции, со вниманием выслушивали всякие байки о знаменитостях, задавали массу вопросов, пытались понять, чем живут люди искусства, изобретали всем клички, которые, поизносились с теплотой и гордостью. Бурцева посещали, например, Скульптор, Переводчик, Циркач (на самом деле администратор в цирке), Режиссер (в действительности помреж с «Мосфильма»), и вот теперь появился Издатель, то есть Редькин. А у пресловутого Маревича кличка была – Писатель. Но Тимофей так и не сумел вспомнить никакого Давида.

– Думаю, мы с ним все-таки не знакомы, – заключил он.

– Странно, – сказал Бурцев. – Я был уверен что ты его знаешь. Вы даже похожи чем-то...

«Ну и логика!» – удивился Редькин.

И тут Валька неожиданно сообщил:

– Его убили в девяносто первом. Говорят, гэбэшники...

Тимофей вздрогнул: опять накатывала шиза. Кто ж это о мертвых в настоящем времени спрашивает? А потом лепит две фразы рядом: «вы похожи» и «его убили». Спасибо на добром слове, Валя!

Но он, конечно, смолчал. Проговорил только:

– Поеду я. Пока.

И услышал в ответ:

– Ладно, бывай здоров.

Вот такой нелепый разговор. Ну, а по дороге домой мысли опять переключились на проблемы чисто автомобильные.

Внешний вид как ни вылизывай, а после удара машина все равно будет ржаветь быстрее. Года на три бы хватило – и хорошо, а там они обязательно на новую денег наскребут, не зря же пашут, как бобики, да еще и квартиру сдают, теснятся тут всем кагалом...

Впрочем, когда Редькин заглядывал вперед именно на этот срок – три года – и получался ровно 2000-й – магия немыслимо круглого числа вызывала странное ощущение: то ли все у них будет прекрасно, как в сказке, разбогатеют, миллионщиками станут непонятно с какой радости, то ли... То ли *вообще ничего не будет*. В каком смысле ничего, Редькин объяснить не мог, но ощущение возникало очень яркое, стоило лишь закрыть глаза и увидеть в ночном небе огромные полыхающие цифры. В каком-то давнем фильме он видел, как встречали подобным образом наступление двадцатого века. Тогда, между прочим, тоже хватало идиотов, считавших первым годом века 1900-й и радовавшихся круглому числу больше, чем действительному началу столетия.

Да, не случайно занялся Редькин эзотерической литературой, не случайно любил авангардную прозу, тянуло его, постоянно тянуло на всякую чертовщину, но в жизни-то, в быту был он полнейшим прагматиком и циником: женился вполне буднично, хоть и рано, институт закончил технический без всякой романтики, работал на скучном ящике как все, комсомольцем был и голосовал как все, в итоге бизнесом занялся – тоже как все. За что же ему именно такая чертовщина на голову свалилась?

Вопрос не переставал мучить. И его, и Маринку. Маринка ведь тоже не семи пядей во лбу была, скромно мечтала о благополучии, спокойной жизни, иногда – нескромно – о богатстве, о красивой жизни. Но это же не грех! Так за что?

Но поскольку на подобные вопросы ответов, похоже, не существовало в принципе, Редькин попытался найти разгадку некоторых тайн попроще. Деньги – понятно – это забота Вербицкого, решили уже, но простое человеческое любопытство тоже ведь куда подальше не засунешь. Даже если их, редькинским жизням ничего не угрожает (хотя и это сомнительно), нераскрытые секреты, к которым ненароком прикоснулся, очень и очень мешают жить.

Поэтому Тимофей, не спрашивая позволения у Майкла, попытался выяснить по своим каналам, какое же серьезное дело заставило Меукова искать Редькина за день, а то и за час до смерти. Выяснил. Через Бенью Калькиса и его друзей на книжном рынке. Бенья, кстати, все простил Тимофею. Деловое сотрудничество выше всякой фигни! Ну, еще бы: он же надеялся с Редькина новых денег слупить. И не зря надеялся. Под обещание интересной рукописи Тимофей ему пересчитал коэффициент трудового участия, и разошлись компаньоны полюбовно, а заодно как бы невзначай поговорили о старом наезде и новых звонках Бурнашова и Меукова, о дурацкой гибели последнего.

Калькис знал немного, питался слухами. Но говорили повсюду упорно, что Эдмонд в своем эзотерическом рвении наступил на хвост некой тибетской секте, пострашнее всякой аум-сенрикё. Убирали его по заказу оттуда, однако руками местных дешевеньких шалопаев. Шалопаи, понятное дело, давно уже где-нибудь на свалке валяются, и птички их доедают. А на заказчиков милиция никогда в жизни не выйдет, потому что, во-первых, Меуков для МВД никто, а во-вторых, тибетские ламы московскому ОМОНу явно не по зубам. Редькин посме-

ялся доброй шутке и мысленно поделил это все на восемь, зато слово за слово выяснил, что аккуратно в день убийства Меукова переполошившийся Бурнашов обзванивал всех близких и дальних знакомых, так как шеф еще накануне пропал бесследно.

Вот и выяснилось главное для Тимофея – без всякой мистики. А на квартире у Меукова сидела в тот день его постоянная пассия – девка абсолютно чеколдырнутая, она еще и не такое по телефону сказануть могла, так что Редькин почти угадал в тот раз. Она Меукова и обнаружила первая, выйдя на минутку за сигаретами. Ведь Эдмонда убили в подъезде собственного дома днем, а где он ночь провел, для всей безумной тусовки осталось полнейшей тайной. Редькин подозревал почему-то, что у Серафимы или, во всяком случае, та должна была знать, но вслух при Калькисе имя Кругловой называть не стоило. Этот свой контакт Редькин нигде светить не хотел.

Прямо скажем, к воротилам автосервиса, угонщикам и перекупщикам машин история с Меуковым никакого отношения не имела. И слава Богу: эту чепуху пора уже было выбрасывать из головы, но как отдельная тайна и она не давала покоя несчастным пострадавшим супругам.

Вербицкий, конечно, продолжал отрабатывать свою версию, даже денег обещал, хотя странная затянутость сроков и порождала некое ощущение эфемерности. В любом случае, Редькин вдруг решил, что имеет смысл покрутить еще какой-нибудь вариант расследования. Что, у них знакомых мало? Правда, конкретно в ментуре, как назло, никого. Проще на КГБ и ГРУ выруливать, но, пардон, кому в этих серьезных конторах может быть интересно автомобильное жулье, пусть даже безжалостно убирающее друг друга с дороги из-за достаточно мелких денег? Эх, да это теперь и для милиции не событие! Люди обнищали и озверели, иные готовы идти на убийство за полштуки баксов, иные просто ради удовольствия...

И все-таки милицейские дела надо крутить через милицию. Тут же вспомнился Юлькин отец. Вместе с ним вспомнилась и Юлька.

И вот, когда всплыл в памяти чудный девичий образ, Тимофей сразу понял, что безумно соскучился. Ведь обитает где-то рядом – почему они не встречаются? Непорядок! Ритм жизни, что ли, не совпадает? Так ведь у Маринки же телефон записан. Он тогда пытался запомнить, запомнил даже, но вылетело, конечно, из головы. Однако у Маринки точно записан...

– Мариш! А чего ты Юльке все никак не позвонишь?

– Какой Юльке? – искренне не поняла жена.

– Ну, этой, с ирландским сеттером и полковником милиции.

– А-а! Так ты же сам сказал, что это все фигня. Еще тогда. А теперь – тем более ни к чему. Ты чего же, хочешь деньги с двух сторон получать: пусть и бандиты и менты одновременно вышибают? Так не получится.

– Ну, во-первых, еще неизвестно, что нам Майкл вышибет и когда. А во-вторых, я просто справки собираюсь навести. Ну, интересно мне, что за ерунда такая происходит! Можем мы воспользоваться случайным знакомством и пополнить свой жизненный опыт?

– По-моему, это глупость ужасная, но если хочешь, сам и позвони.

– А это не будет выглядеть по-дурацки, ты же с ней разговаривала?

– А ты где был?

– Я рядом стоял, но я был в шоке и ничего не слышал.

– Тимка, но я же так не люблю звонить малознакомым людям! Я не знаю, кто там подойдет... Ну тебя с этой Юлькой, не порть мне настроение.

– А то я люблю звонить малознакомым людям!

Тимофей цеплялся за последнюю возможность увильнуть от того, о чем в действительности мечтал. Почему-то казалось очень важным сделать первый звонок Юльке лично, в этом ощущалась очумительная, щемящая душу романтика даже не студенческих, а школь-

ных лет, и Тимофей усердствовал. Он должен был скрыть от жены это свое желание. Скрыть, непременно скрыть! СКРЫТЬ!

– Хорошо, – сказал он. – Я звоню Юльке, но тогда ты будешь звонить Элеоноре Борисовне!

– Ах, ты мне еще и угрожаешь! Ладно-ладно. Вот тебе моя записная книжка – там есть все: и Юлька, и Элеонора, и даже Ефим Маркович.

Ефим Маркович был старый книжный волк, которому время от времени приходилось звонить, но на любой сделке он Редькиных ухитрялся облапошить, ну, хотя бы на капельку, это раздражало обоих, и вину традиционно вешали на того, кто первым начинал переговоры, так что Маркович считался явно пострашнее простой зануды Элеоноры – сотрудницы филиала шведской фирмы, поставлявшей в Москву качественные сорта бумаг.

Редькин изобразил обиду и пошел звонить. Цель была достигнута.

Ха-ха! Как он был наивен! Никто не ответил по набранному номеру. Бывает.

Но никто не ответил по нему и на следующий день, когда Тимофей уже тайно звонил Юльке с книжного склада Жорика, и еще через день, когда он звонил просто из телефонной будки. Редькин страдал, как юный влюбленный, он в искреннем отчаянии не знал, что ему дальше делать и как вообще жить. Он будто всей кожей ощущал, что Юлька где-то здесь, рядом, но не знал, где именно, не встречал ее ни разу и мучился. Подкарауливать специально? Во-первых – опять же где? А во-вторых, это уже полный бред. Господи, но неужели возможно в тридцать восемь лет вот так втюриться?! С первого взгляда, в суете, и со странной паузой в добрый месяц. Он уж решил было провести серьезный поиск по милицейскому адресному CD-рому, обещанному одним приятелем – в наше время штука не Бог весть какая дефицитная. Однако искать в Центральном округе девушку Юлю примерно восемнадцати лет без фамилии – работища адская. Он не успел этим заняться. Все получилось по-другому.

В самом конце августа преставилась на даче их старая пуделиха или, как любил говорить Верунчик, *пуделита* Соня. Дочку Редькиных звали Вера, однако устоявшееся детское прозвище требовало глаголов в мужском роде – так и повелось в семье говорить. Раньше пуделей было два, но молодая собака отошла в мир иной годом раньше из-за внезапной ужасной болезни – какая-то там дисплезия, крайне редко встречающаяся у пуделей. Тимофей точно не запомнил, как эта гадость называлась, вникать не хотелось, но на уколы возил животное исправно, пока это имело смысл, и расстраивался вместе со всеми ужасно. Дряхлая облезлая Соня в одиночестве сильно затосковала, и старение ее заметно ускорилось. В общем, на начало осени Вера Афанасьевна, всю свою жизнь проведшая с собаками, оказалась без братьев наших меньших в доме и тихо, но глубоко переживала. Родные боялись ее о чем-то спрашивать, к чему-то подталкивать – ждали самостоятельного решения. Ведь сразу после смерти как-то не принято нового друга заводить. Однако Вера Афанасьевна продержалась в своей тоске недолго – недели две. И однажды, придя из магазина (видать, насмотрелась на соседских зверушек), заявила с порога:

– Ребята, ну что, какую мы собаку будем теперь заводить?

Спросила легко так и даже с некоторой нетерпеливостью, как будто уже в пятый раз интересуется, а ей никто отвечать не желает.

Обсуждение протекало бурно, но было недолгим. Пудели уже всем надоели, да и сама Вера Афанасьевна не слишком настаивала на любимой породе. Общим поименным голосованием выбрали модного нынче далматина – традиционную собаку английских принцев, необычайно популярного благодаря книжке Доди Смит, фильмам, мультяшкам и всяким прочим рекламным прибабасам. Правда, двухлетняя Дашенька еще не смотрела «101 далматин», а остальные из мультяшного возраста как будто уже выросли, но, встречая на улицах очаровательные пятнистые морды, умилялись все – дружно и регулярно. Словом, каких-

нибудь полдня посидели на телефоне, а уже вечером в пожарном порядке выехали. Почти пятимесячную элитную далматиницу в силу внезапно переменившихся обстоятельств отдавали вместо трехсот долларов за двести, только забирать при этом следовало немедленно. Редькин подобной халявы никогда пропустить не мог и подхватился мигом. Увидели, влюбились с первого взгляда, привезли щенка-переростка домой и прыгали вокруг него вечер, ночь и еще целый день. Радости было – полные штаны! Потом немного успокоились. Из многочисленных вариантов, предлагаемых в качестве клички, выбрали, наконец, красивое имя Лайма. Вера Афанасьевна детство в Прибалтике провела и после бывала там часто, потому с особенной теплотой вспоминала и свою тетю Лайму, и название знаменитой кондитерской фабрики в Риге. К тому же «лай» в начале слова звучало весьма по-собачьи. Новые же и старые знакомые, услышав такое имя, сразу переспрашивали: «Лайма? Вайкуле, значит?» И Редькины обычно соглашались: Вайкуле, так Вайкуле.

Собака оказалась просто прелесть, писаться в квартире перестала практически уже через месяц, характер имела чудесный: дома тихая, ласковая, сонная, на улице – игривая, шалая, агрессивная даже. Весело с ней было, А уж экстерьер – так просто выдающийся: пятнышки четкие, ровные, отдельные, на мордочке словно след от кошачьей лапки, и уши, почти черные, как полагается, домиком. На улицу выйти невозможно было, чтобы кто-нибудь из детей не вскрикнул от восторга, узнавая любимого экранного героя, а кто-нибудь из взрослых не наговорил кучу комплиментов. Маринка по первости даже привязывала Лайме на ошейник тоненькую красную ленточку – как посоветовал кто-то из шибко образованных подружек – от сглаза.

– Привет тебе от покойного Меукова! – ехидно комментировал Редькин. – Ты еще нашу Лайму холлотропному дыханию обучи.

Гуляли с юной далматинкой поначалу всегда вдвоем, недолго и возле дома, во дворах – она боялась всего, жалась к ногам, лапы у несчастной тряслись, но вся эта робость слетала немедленно при первых же встречах с другими четвероногими, особенно если попадались более мелкие и пугливые. Хозяева соседских зверей и подсказали, что по вечерам местное общество собачников тусуется на бульваре.

Так Тимофей и Маринка попали на Бульвар.

Его здесь называли одним словом и с большой буквы, редко и только для чужих уточняя, что речь идет о Покровском бульваре. После десяти вечера территория под высокими смыкающимися вверху липами безраздельно принадлежала собачникам и их четвероногим друзьям. Забрехали, конечно, и случайные прохожие, и влюбленные парочки, и вездесущие горькие пьяницы, и даже отчаянные беглецы от инфаркта, но если среди всех этих граждан кто-то проявлял неприязнь к собакам или, не дай Бог, страх перед ними – такому лучше было сразу обойти стороной уютную аллею, в конце концов, для любого оставался свободным параллельный путь по широким тротуарам, отделенным от бульвара трамвайными рельсами, а этой опасной линии местные воспитанные животные по собственной воле никогда не пересекали.

Тут-то на Бульваре, для Тимофея с Маринкой и началась новая, совсем новая жизнь. Ведь новая жизнь – это прежде всего новые люди. А еще – новые интересы, новые знания, новые правила общения. Все это наличествовало здесь в полном объеме. Спонтанно организовался своего рода клуб, объединение единомышленников, партия любителей собак. Чем хуже партии любителей пива?

Надо ли комментировать отдельно, что именно на бульваре довелось повстречать Редькиным и ирландского сеттера Патрика, и его очаровательную хозяйку?

Но и остальные персонажи были там весьма примечательны. Вот о них как раз стоит рассказать чуть подробнее.

Гоша. Георгий Васильевич Жмеринский, полковник, кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры в Военно-инженерной академии. Человек по-своему уникальный, не из тех, которые «как одену португею...», а совсем наоборот – из чудом уцелевшего до наших дней настоящего русского офицерства. И как это после четырех войн и пяти революций (или наоборот?) сумел появиться в российской армии такой умный, интеллигентный, образованный полковник? Камуфляжка на его статной спортивной фигуре выглядела неплохо, как, впрочем, и парадная советская форма, и простая гражданская одежда, но Тимофею всегда мечталось увидеть Гошу в мундире двенадцатого года с золотыми эполетами. Право же, какой-нибудь кивер куда лучше, чем фуражка, гармонировал бы с его высоким лбом, мужественным подбородком и роскошными усами. Гоша любил литературу, музыку, живопись, хорошо разбирался во всех этих искусствах, следил за новинками, и даже сам писал стихи, неплохие, между прочим, которые иногда, под настроение, читал друзьям. А пес у него был очень солидный – старый эрдель по кличке Боб.

Пахомыч. Геннадий Пахомович Мурашенко со злобной боксерихой тигровой масти Роботессой, сокращенно Робби. Вроде тоже из военных, вроде тоже широкоплечий спортивного вида мужик с эффектной рожей, разве что ростом пониже, но, по сути, полный антипод Гоши. Во-первых, туповат, во-вторых, трепло несусветное: и во Вьетнаме-то он был, и в Афгане, и в Чечне уже успел повоевать, и все на свете он знает, в любом деле специалист: «Всем молчать! Разве так положено портянки наматывать и бикфордов шнур поджигать!» Ну а в третьих, признался он однажды, что работал в спецсвязи. А что такое спецсвязь, ребята? Восьмое или Шестнадцатое главное управление КГБ. Вы что хотите, говорите, но КГБ есть КГБ. Русский кадровый офицер Гоша контору эту всегда недолюбливал, и Редькин, скромный старлей запаса Советской армии – тоже. Так что к Пахомычу относился он, мягко говоря, настороженно. Да плюс еще именно Пахомыч чаще всего иронично величал Тимофея «дедушкой». Спасибо, Маринку не подкалывал, она бы еще сильнее обиделась.

Ланка Рыжикова. На самом деле Светлана Петрова. Просто у самых обычных имен не всегда бывают стандартные сокращения. А собаку ее беспородную – чумного, но очень умного и всеми любимого кобеля звали Рыжим, отсюда и повелась кличка. Тем более что и у самой Ланки волосы были рыжеватыми, а глаза почти зелеными. Фигурка стройная, миниатюрная, улыбка обворожительная. Словом, блестящие внешние данные и бьющая наповал сексапильность, но... ранний брак, двое детей, муж-алкоголик, несчастья бесконечные со всеми ближними и дальними родственниками. Короче, тяжелая женская доля. По профессии Ланка – модельер и от природы – талантище. Юбки, брюки и платья шила такие, что всем этим патентованным и титулованным педикам обзавидоваться, если б знать могли, а бульварная мастерица свои изделия за гроши продавала или дарила друзьям.

Ланка Маленькая, на самом деле Бухтиярова, и удивительным образом ее тоже с детства звали Ланой, а не Светой. Медсестра широкого профиля, тоже очень симпатичная. Размером больше Ланки предыдущей, то есть Рыжиковой (меньше той Ланки быть просто невозможно – при росте метр пятьдесят весу тридцать восемь кило), но маленькая по возрасту (Рыжиковой – тридцать пять, Бухтияровой всего тридцать – существенная разница в их годы!). Ланка Маленькая выходила гулять вместе с мужем Ваней – классным электриком и водителем, работавшим в солидной фирме. По выходным Ваня, как правило, гулял один. А собака у них была представительная – огромная восточно-европейская овчарка-переросток Стэн, а полностью – Стендаль.

Олег Карандин, компьютерный гений, выросший из скромного советского специалиста по АСУ ТП (то бишь по автоматическим системам управления технологическими процессами, если кто забыл) в настоящего современного программиста. Осуществлял консультации во всех областях мультимедиа, обеспечивал бульвар компьютерными игрушками, а также серьезными программами и полезными адресами в Интернете. Гулял зачастую с

женой Валеи. Собака – далматин по имени Фараон Орхидеевич Цезаревский (чего не придумают в собачьих документах!), а по-простому – Фари.

И, наконец, Юлька. Просто Юлька. Нимфа, волшебница, фея. Иногда, очень редко, вместо нее гуляла мать, точнее мачеха. Отец, полковник милиции Соловьев на бульваре не появлялся, он вообще в Москве жил наездами, предпочитал дачу, чистую экологию и тишину. Юлька старалась прогулки не пропускать, даже когда приходила совсем усталая из своего вечернего юридического института. Она любила потусоваться в компании старших товарищей, послушать умные разговоры, иногда о себе рассказать, иногда попросить совета. А уж на общих пьянках – праздники, как общенародные, так и персональные, отмечались здесь традиционно и весело – Юлька всегда становилась душой общества, сыпала молодежными анекдотами, в которых порой из-за обилия сленга приходилось объяснять, над чем следует смеяться, строила глазки мужикам, игриво шутила, позволяла целовать себя в щечку на прощание.

Но первая встреча с Юлькой на бульваре получилась у Тимофея совсем не такой, как он ожидал.

Тогда, в августе, возле разбитой машины случилось настоящее чудо.

Кто еще нравился ему так сильно за последние пятнадцать лет? (О первых годах после свадьбы и говорить нечего). Тимофей перебирал в памяти, и никого не находил. Да, заглядывался на красивых девиц, особенно летом и на пляже – это было. Да, случалось глупо мечтать об адюльтере, как развлечении – и такое было. И еще было совсем уж нелепое желание «поквитаться» – это очень давно. После того, как между первым и вторым курсом – Верунчику еще двух лет не было – он уезжал на шабашку на полтора месяца, денегат подзаработать, а Маринка проторчала все это время в Москве. Дачи у них тогда не было, а снимать не пойми что с крохотной девочкой не хотелось. И вообще, живут на окраине, воздух нормальный, Битцевский парк рядом. В общем, ребенок в значительной степени был повешен на бабушку, а Маринка решила от мужа не отставать и подрабатывала в институтской библиотеке – книги перебирала. Как выяснилось, не только книги.

Там интересный коллектив сложился. Старшие ребята-дипломники, увлекавшиеся сугубо запретным в ту пору тантризмом и ценившие в нем преимущественно сексуально-практическую сторону, задурили простодушной девушке голову, а к тому же красавчик Максим ей вдруг понравился. Короче, когда молодые супруги встретились после первой в их жизни серьезной разлуки, им было о чем рассказать друг другу. Тимофей на БАМе много сибирской экзотики повидал, правда, местных баб из поселка Звездный обслуживать ему было некогда, сил хватало лишь до койки в общей палатке доползти на негнущихся ногах. А вот молодая жена... Слово за слово, охи-вздохи, потом давай глаза прятать, потом – в слезы и... создалась в измене. Правильно сделала. Слухами земля полнится, а когда посторонние про тебя рассказывают, всегда хуже выходит: и гадостей по дороге больше налипает, и всем обиднее.

В общем, Тимофей поорал, поорал, да и простил, конечно. Не морду же бить, в самом деле? Но через месячишко выяснилась от друзей интересная подробность: Маринка-то его не с одним Максимом переспала, а с четырьмя(!) ребятами. Редькин вздрогнул, вмиг осознав, что это правда: неужели со всеми сразу? Нет, оказалось, по очереди. Но ведь это, пожалуй, еще хуже. Маринка признала все, не сразу, но признала. И что это на нее нашло тогда? Объяснить не сумела, Тимофей – тем более. И странным образом именно чудовищный абсурд ситуации помог примириться со случившимся. Обида и ревность ослабли (один мужчина – это серьезная измена), а четверо за один месяц – это же просто бред и помутнение рассудка, тут не ревновать, а лечить надо. Но вот желание поквитаться возникло и прочно поселилось

в мозгу. Не в буквальном смысле, разумеется – найти четырех девок, чтобы один к одному все вышло, а в принципе. Тимофей победил в себе этот комплекс только через три года.

Дело было так. Они с Маринкой оказались в компании золотой молодежи на подмосковной даче. Хозяин, молодой, но жутко толстый и потливый парень прослыл любителем эротических экспромтов, и когда все собравшиеся были уже на рогах, восьми самым бодрым предложил с ящиком вина отправиться на ближайший пруд – испытать все прелести романтического ночного купания. До воды добрались не многие, некоторые элементарно боялись утонуть – и правильно, между прочим! – зато все поголовно разделись и добрались друг до друга, нарочито перемешав мужей, жен и просто партнеров, с которыми приехали. В глазах Редькина четверо окружавших его девушек и трое парней давно уже превратились в четырнадцать зыбких фигур не вполне определенного пола, поэтому, в сущности, было все равно, что досталась ему не фотомоделль, а самая страшная девица с вислым задом, большой, но некрасивой грудью, кривыми ногами и лошадиной челюстью. Тем более, что активность она проявляла невиданную и делала много такого, чего Маринка не умела или не любила. А это интересно. Рот у этой девицы работал, как форвакуумный насос, с ней нужно было сражаться, если не хотел иметь синяков на всех местах. И другими губами она тоже как будто целовала: обхватывала, например, голыми ляжками ногу или руку и елозила со стенами. А то вдруг, хитро извернувшись, коротко и страстно прижималась разгоряченным лоном к самым неожиданным местам: ко лбу, к шее, к груди. Наконец она чрезвычайно виртуозно ласкала все тело Редькина ладошками и пальцами, собственно с этого и начала. Сидя на коленях у Тимофея, деваха потрясающе нежно ерошила ему волосы. Он хорошо помнил, как именно в тот момент победил все еще дремавшую где-то внутри робость, и давнее желание поквитаться с Маринкой с восторгом вырвалось наружу. Он осмелел и с наслаждением начал мять еще под платьем большую мягкую грудь своей избавительницы, а дрожащей от нетерпения рукой потянулся к горячему и влажному, туда, пониже заветного треугольника...

Собственно вот только это все и было здорово, а потом, когда началась возня на мокрой, истоптанной прибрежной траве, когда он лежал, чувствуя лопатками какие-то веточки и жучков, а эта туша самозабвенно прыгала на нем, удовольствие уже кончилось, ему было душно, и даже немного больно, и было противно смотреть на мокрые складки живота, на тяжелые прыгающие титьки, на ее непрерывно открытый слюнявый рот (нет не ту они выбрали позу, ох, не ту!) и особенно противно – на собственную детородную жидкость, мутными каплями запутавшуюся в ее кудряшках... К финишу Тимофей пришел, как-то случайно, скучно, бесцветно. И после этого его почти сразу стошнило. Вина-то выпили очень много, а вначале еще и водки.

Но цель – отомстить за супружескую неверность – была достигнута. На все сто. Почему? Да потому, что хозяин дачи сильно промахнулся, выбрав именно себе худенькую, стройную Маринку. Она и на трезвую голову, и даже в легкой эйфории подобных мужиков терпеть не могла, а тогда к моменту всеобщих совокуплений назююкалась уже сверх меры и готова была блевать сильно раньше мужа. Так что вывернуло Мариночку сразу, от первого же мокрого поцелуя и неистребимого запаха пота в объятиях сластолюбца, жирные лапищи которого даже похватать ни за что толком не успели – парень вынужден был сразу идти купаться. Ну а после того, как Маринку начинало тошнить, вернуть ее к активной жизни – это уже дело нереальное.

Однако самое, быть может, интересное, что эта давняя оргия стала практически последним эпизодом в истории супружеских измен семейства Редькиных. Повзрослели, поумнели. Были, конечно, отдельные мелкие попытки – с обеих, надо думать, сторон, но успехом они не увенчивались.

Тимофей еще и еще раз вспоминал всякие пьяные поцелуйчики и пьяные обжимания, заводившие, разумеется, вспоминал и пьяные размышления, кого бы трахнуть. Но это все

о другом. Последние пятнадцать лет на девушек и женщин он смотрел либо как на друзей, либо, как на красивые модели – возбуждение при этом может возникнуть вполне естественное, но любовь...

А вот на Юльку в тот августовский день он посмотрел именно влюбленными глазами. Глазами неженатого юнца. Всколыхнулось что-то давно и безвозвратно забытое, и от этого сделалось очень приятно и очень тревожно. Он даже ночью, когда Маринка уже спала, хотел было выпить по привычке, да передумал. Появилась у него – лет семь уж как – такая дурная привычка: где бы и с кем бы ни пил, добавлять потом в одиночку. Иногда стакан, а иногда хоть глоточек – но обязательно добавлять. Скверная привычка. А вот в ту ночь передумал, тормознуло его что-то неведомое, но сильное. Потом понял: играть в юность – так до конца. И ничего не сказал Маринке о своих ощущениях. О Кругловой в тот раз все рассказал, а о Юльке – ни-че-го. Вот это и было самое тревожное. Планировал, что ли, всерьез завести интрижку? Смешно. Если не сказать, страшно. Да нет, никогда бы он не пошел на такое, а тем более теперь – не тот уже человек. И не сказал-то жене, наверно, совсем по другой причине. Существует мнение, будто мужчины ревнуют больше телом, а женщины – душой. Измена душой, пусть только в мыслях, может обидеть сильнее, чем пьяный секс в полусознательном состоянии. Так зачем же делать больно любимому человеку, да еще ни с чего? А он любил свою Маринку, действительно любил, несмотря ни на что.

И вот, двадцать шестое сентября. Встреча номер два. Он ожидал «тихого взрыва» (у Михаила Анчарова когда-то вычитал). Но нет, ничего похожего – ни головокружения, ни сладкого озноба. Простая спокойная радость: сбилось. Он направил в сторону Юльки долгий нежный взгляд. Получил в ответ веселые теплые искорки. Свет фонарей отражался в ее вишневых глазах. А еще в них явно читалось: «Узнаю несчастных! Ну, как дела?» Она так и спросила:

– Ну, как дела? Здравствуй!

– Здравствуй, – отозвался Редькин, а дальше, как и в прошлый раз, обо всем говорила Маринка.

Нет, он теперь не впадал в транс, он просто любовался, но был слишком увлечен этим процессом. Все-таки Юлька необыкновенно хороша! Правда, тогда была еще красивее. Сейчас как будто сделалась чуточку полнее, лицо округлилось, что ли, исчез некий шарм... Или тот шарм, тот флёр был навеян самим трагизмом ситуации?

«Нет, братец, врешь! Полностью чудо не исчезло, – уговаривал себя Редькин. – И влюбленность моя не исчезла. Ну да, ощущения нынче не столь остры, ну так ведь на то он и был первый раз!..»

Однако в действительности Тимофей откровенно культивировал в себе эту влюбленность. Зачем? Ну, наверно затем же, зачем добавляют после выпитого. Уж больно красив был кайф от того напитка, расставаться жалко. Сравнение получилось точное, но будничное, приземленное. И потому сразу напомнило о делах.

А разговор-то шел, известно о чем – об их несчастной машине. Всем остальным еще тремя днями раньше поведали Редькины эту печальную историю, ну а Юлька, которую на бульваре встретили впервые, была непосредственной свидетельницей, и сейчас буквально хвасталась этим.

«Эх, молодо-зелено! Всё-то они в веселье превращают», – вздыхал про себя Тимофей.

А телефон у Юльки не отвечал по очень простой причине: никого из них в Москве не было, занятия-то в институте только с середины сентября начинались. И чего ей в городе торчать? От прежнего обещания помочь девушка не отказывалась. Поговорит, сказала, с отцом, как только сможет. Пахомыч тут же пробурчал себе под нос что-то в смысле, ерунда, мол, это, нечего, мол, узнавать, никто не поможет, чистая случайность, какие, к едрене-фене, бан-

диты?! Ну а Редькины, разумеется, о Вербицком и его ребятах – молчок, но в качестве вольной гипотезы наезд на себя рассмотрели, вот старый гэбист и завелся.

Потом Гоша, то ли пошутил, то ли всерьез высказал:

– Пахомыч, а ты бы по своим каналам провентилировал ситуацию, вдруг дело-то серьезное. Смотри, как милиция от него нос воротит!

– А ты – по своим! – неожиданно огрызнулся Пахомыч.

– Да у меня какие каналы? – не обиделся Гоша. – Военная автоинспекция? Ну, есть парочка знакомых из МЧС...

– А у меня какие? – агрессивно осведомился Пахомыч.

Уточнять никто не рискнул, и разговор перекинулся на другую тему, традиционно собачью: кто кого задрал, кто чем болел, и как правильно кормить животных, если учесть, что они, сволочи, жрут все подряд...

Вот и все о том дне – теплом сентябрьском дне, запомнившемся Тимофею надолго.

А с работой у Редькиных складывалось тоже как-то странно. Тираж Стива Чиньо, на деньги с которого фактически и была куплена новая «Тайга» давно закончился, допечатывать новый – во всех смыслах было опасно. То есть и в коммерческом (хорошенького понемножку, а жадность фраера сгубила), и в уголовно-мистическом. После убийства Меукова, то есть фактически литагента Чиньо в России, следующей могла оказаться очередь Редькина, то есть фактически издателя. Маринка любила повторять: «Это наша с тобою Тим, лебединая песня». Юмор заключался в том, что Чиньо по-итальянски означает «лебедь». В общем, они стремились максимально откреститься от всяких ассоциаций со зловещим итало-американцем. Круг лиц, знавших реального поставщика книг Чиньо из типографии на рынок, был крайне узок, но хотелось сузить его еще сильнее. Тимофей мрачно шутил:

– Давай сами займемся отстрелом свидетелей, ну, то есть посвященных в наши дела.

А вообще с серьезными проектами еще в начале лета не заладилось. Калькис все медлил с новыми текстами. Оптовики намекали, что времена пиратских книжек и сомнительных разрешений на публикацию в СНГ ушли безвозвратно. Симе Кругловой по многим вполне понятным причинам звонить не хотелось. И тогда Редькин – возможно, на время – отодвинул в сторону богомерзкую эзотерику и решил потряхнуть своими старыми контактами с Русской Православной Церковью. Там впрямую не отказали, но и с заказами конкретными пока не торопились. Лето оно и есть лето.

Над Редькиными нависла угроза очередного безденежья, сумрачного периода жизни, когда приходится просто менять на рубли ранее заработанные доллары. Обратный процесс они оба любили гораздо больше, хотя с недавних пор президент и распорядился взимать за эту операцию дополнительный налог. А как неплохо жили в последний год! Даже сумели в Анталью мотануться, не говоря уже о новой тачке, вкусной еде и любимых Тимофеем красивых фирменных напитках, преимущественно крепких, которые он иногда позволял себе покупать, правда, в основном на Измайловском рынке, где они были существенно дешевле.

Неожиданно позвонил помощник депутата Хвалевской – так и представился. А Тимофей никогда в жизни ни с каким помощником дела не имел и даже слыхом не слыхивал о нем, но тот очень строго спросил:

– Это вы печатали для нас тираж предвыборных листовок?

– Вы куда звоните? – мгновенно сориентировался Редькин. – Вы какой номер набираете?!

Сознаваться было нельзя ни в коем случае! Стольких людей топить! Ведь все – все! – вчерную делалось...

– Извините, – сказал помощник и дал отбой.

На том и завершилось, но сердце стучало так, что понадобилось тут же, не дожидаясь Маринки из ванной, хлопнуть рюмку, благо один на кухне сидел. Коньяк разливался по телу теплой волной и подсказывал решение: «Срочно звони Майклу». Но до звонка обязательно хотелось посоветоваться с женой. Маринка же терпеть не могла, когда к ней заходили во время мытья. Пришлось подождать. Ну и дождался!

А он ведь так и знал, так и чувствовал: беда никогда не приходит одна.

Позвонил Самодуров, тот самый, что еще год назад три штуки взял под проценты и разбазарил с концами.

– Я могу немножко денег вернуть. Ровно треть от основной суммы. Давай встретимся.

Ох, не верил Тимофей, что этот ублюдок действительно решил возвращать долги. Ох, не бывает такого! И решительно проговорил в трубку:

– Я не могу сейчас разговаривать. Я тебе перезвоню.

Когда Маринка, мокрая и благодатная, вышла из душа, Тимофей наливал вторую.

Но в этот вечер его никто не ругал за пьянство.

Глава шестая ЛЕТАЮЩИЙ ЧУГУНИЙ

Вербицкого они застали, как видно, не в самый удачный момент. Распознав голос Редькина, тот даже не вслушался как следует в слова и сразу сообщил несколько заполошно:

– А деньги будут только в ноябре, как я и обещал, может быть, в самом начале декабря...

– Да я не про деньги! – плаксиво перебил Тимофей, чуть было не сказавший: «Да черт с ними, с деньгами!» (Хорошо вовремя вспомнил о предупреждении Майкла.) – Ты не слушаешь меня, что ли? Информация новая.

– Тогда приезжай, – коротко бросил Вербицкий.

Маринка опять увязалась с ним – не только для более полного и точного описания картины происходящего, но и еще по одной причине. У Верунчика вдруг проблемы начались по женским делам: какие-то там задержки, выделения, боли – дисфункция, одним словом. В прошлом веке бабы в деревне ходили круглый год без трусов, трахались где попало, рожали посередь поля – и ничего, никаких проблем. А нынешние все насквозь больные. Экология, говорят. Что ж дальше-то будет? Ну, ладно.

Короче, Майкл сказал, что в их уголовно-порнографическом центре очень хорошие гинекологи есть, в том числе и эндокринологи. Зашли по этому поводу проконсультироваться к самому директору – Михалычу, как его называл Вербицкий. По разговору чувствовалось, что Михалыч настоящий врач, но внешне напоминал он то ли командира подводной лодки, полжизни не поднимавшегося над поверхностью воды, то ли пахана зоны: невысокий, коренастый, плотный, поперек себя шире, ручки волосатые, глазки из-под низкого лба смотрят подслеповато, тяжеленная челюсть, огромный рот, – с такими данными хорошо команды выкрикивать на палубе или на плацу, а не девочек больных утешать. И только пышные черные усы слегка облагораживали эту харю. Однако к просьбе Михалыч отнесся со вниманием, разговор получился долгий, и Редькин в итоге заскучал от неаппетитных гинекологических подробностей. Стал разглядывать богато обставленный кабинет, походил вдоль книжных полок, содержавших далеко не только медицинскую литературу. Много тут было и психологии, а это уже по его части, тут Редькин дока. Потом случайно глянул под потолок и не мог не обратить внимания на крайне необычную люстру. Да вроде и не люстра это, лампочек-то нет, просто какая-то раскоряка абстрактная, как на выставке Сальвадора Дали. Наверно, мода теперь такая. Что ж, эффектная вещица, и поблескивает загадочно... Интересно, металл или пластик? Тимофей в задумчивости поднял руку, пытаясь потрогать неизвестный материал, и тут же услышал предостерегающий окрик Михалыча. Но было уже поздно. Треск, яркая зеленая вспышка и боль в пальцах. Редькин чуть на пол не сел от неожиданности. Однако пошатнувшись и пятясь, все-таки успел поймать задницей стул. Коленки дрожали.

– Да вы с ума сошли, – сказал подбежавший в панике Михалыч. – Все в порядке? Ведь эта штука и убить может.

– Какая штука?!!

Редькин снова впадал в панику от захлестывающего со всех сторон абсурда. Что они тут повесили, от кого, от чего себя оберегают?

Оказалось, просто от микробов. Больница все-таки, вот Михалыч и подцепил себе к потолку ультрасовременный и мощный ионизатор воздуха.

А новые печальные события в жизни Редькиных не то чтобы Майклу совсем не понравились, но как-то он воспринял их без энтузиазма, лишними они были для него, похоже.

Действительно лишними. Ведь в ответ Вербицкий тоже весьма достойную историю рассказал.

Расследование мало-помалу продвигалось, и вырулил наш юрист от Бога на еще большие деньги, зарытые в деле о разбитой «Ниве», а вместе с ней «Волге», «Москвиче» и «Фольксвагене». У шайки, от которой пострадал Редькин, расхищение вдребезги машин было, конечно, не главным занятием, а так, хобби – для серьезного бизнеса это слишком экзотично и рискованно в смысле надежности результата. Фирма, на которую работал пресловутый погибший Игорь, занималась перегонкой реэкспортных жигулей. Майкл сумел добраться до их бухгалтерии и ахнул: налоги выплачивались все до копейки, цены практически не накручивались, прибыли едва-едва хватало на нищенскую зарплату водителям и прочему персоналу. Нет, ребята мои, так не работают, тем более в очень выгодной экспортно-автомобильной сфере! За версту от этой фирмы несло запахом картона, из которого делают ширмы в театре. Майкл ухитрился заглянуть и по ту сторону декорации. Пока лишь краешком глаза. Дальше было чуть-чуть страшновато, да и совсем прямая связь пока не прослеживалась – так, тоненький пунктирчик. Но даже вдоль этого пунктирчика уже отчетливо струился совсем иной запах – потянуло героином и «кислотой», то есть ЛСД.

В таких случаях нормальному частному сыщику полагалось сделать паузу и скушать «Твикс», потому что на наркобаронов с шашками наголо не ходят – здесь уже совсем другое оснащение требуется. И Майкл попросил тайм-аут на подготовку.

– А стоит ли вообще на них замахиваться? – жалобно полюбопытствовал Тимофей.

Маринка же вообще сидела бледная и не могла вымолвить ни словечка.

Майкл поморщился.

– Разве я не объяснял, что остановить процесс уже нельзя? Не хотите – можете не интересоваться дальнейшим. Но вы же сами пришли. Какие-то у вас депутаты замелькали, старые запуганные должники, еще хрен знает что... Я понимаю, что все это – головняк...

– Что, прости? – не понял Тимофей, услышав новое слово и заподозрив, что это некий термин.

– Я говорю, головняк, головная боль. Но это еще не беда. Понимаете? И разбираться мы будем. Обязательно. В детали не хотите – не вникайте, а главное все-таки запомнить надо. Я не собираюсь получать бабки напрямую с наркобаронов – пока еще с ума не сошел. Я собираюсь только прозрачно намекнуть тем, кто нам должен, о некоторой своей осведомленности. А как узнаю все наверняка, переговоры пройдут абсолютно чисто, в лучшем виде. И сумма, которая придет на нас обоих, может еще слегка возрасти...

Но Редькина даже упоминание о большей сумме не вдохновило.

– А не могут они решить, что при некоторой величине суммы им проще тебя того...

Редькин искал подходящий эвфемизм, вертя в воздухе пальцами, но слов не понадобилось.

– Не могут, – жестко ответил Майкл. – Ты хоть знаешь, кто такие *они*? А каковы мои возможности, знаешь?

Майкл улыбался и голос его звучал уверенно. Это успокаивало.

Но Маринка все равно не скоро пришла в себя после этой встречи, да и Тимофей – тоже. Тем более, что Вербицкий им еще вдогонку инструкций надавал не самых простых для выполнения. С депутатами велел не связываться, даже Полозову рассказывать не советовал, сам, сказал, позвонит. А вот с Самодуровым встретиться, он считал, стоило. Только осторожно. Почему? Да потому что это может оказаться подставой. Ничего себе! И кто же их там встретит? Милиция? Спецназ? Бандиты? Простое хулиганье? Друзья Самодурова? Майкл этого не знал, но уверял, что стрельбы, конечно, не будет и вообще серьезные телохранители не потребуются – он же наводил справки, и о Самодурове тоже. Просто рекомен-

давал взять с собой третьего человека поплечистей, ну, масштаба Кости Полозова, только более спортивного.

Редькины уже дома совещались недолго. Выбор их пал, конечно же, на Артема.

А Самодуров назначил встречу на Колхозной. Тимофей предложил возле скверика в тупичке, параллельном Сретенке, описал место, где будет стоять, и свою «Ниву», которой бывший приятель и компаньон еще не видел. Прибыли на указанную точку аж за целый час (так полагалось) и сразу установили наружное наблюдение. То тихонечко ездили на первой передаче туда-сюда, то стояли со включенным движком, Маринка сидела рядом, никуда не выходя, чтобы в любую минуту они могли дернуть, если что, а вот Артему поручено было ходить кругами и высматривать Самодурова, благо они знакомы не были. Артема же обеспечили не только подробным описанием, но и фотографией должника. Тот обещал прибыть на метро (машину-то уж давно продал), и главным объектом наблюдения служил поэтому выход из подземки. Однако предполагалось учесть и неожиданные варианты – например, внезапное появление автомобиля с фигурантом. В общем, с подачи Майкла, они всё сделали грамотно. И супротивная сторона такое мастерство доморощенных детективов, недооценила, конечно.

Самодуров – на то он и Самодуров – приехал, разумеется, на машине, и сидело в той серой «Волге» еще четыре(!) человека. Артемушка, молодец, успел заметить. Прибежал, вскочил в машину, опередив неторопливо шедшего якобы от подземного перехода Самодурова, и доложил Редькиным о своем открытии. Маринка чуть не завопила на всю Колхозную: «Поехали отсюда!», да Редькин ей рот зажал, а Артем солидно заметил:

– Ну уж нет, братцы, теперь надо доигрывать до конца. Ничего нам эти придурки не сделают, если у них даже не хватает ума остановиться вне зоны прямой видимости.

Видимость, конечно, была относительно прямой, Артем разглядел «Волгу» почти случайно, когда она припарковалась на Сретенке под знаком «остановка запрещена». Вот они достойные последователи Шуры Балаганова: идут на серьезное дело и рискуют нарваться на простой милицейский штраф.

Но так или иначе, страшные люди из самодуровской машины были еще далеко, а сам он уже подходил к назначенному месту вразвалочку с постоянной своей глупой улыбкой, и пообщаться с разгильдяем, конечно, стоило.

Редькин приоткрыл дверцу, Маринка наклонилась в его сторону, Артем, напряжившись, сидел сзади. «Нива» – не самая удобная машина, для быстрого вылезания из нее, но Артему и не стоило вылезать, дрался он все равно так себе, сидел больше для устрашения. Да и что за глупость вообще – драться с Самодуровым? Он же деньги принес.

– Привет, ты чего, и не выйдешь, что ли? Мотор хоть заглуши, говорить трудно.

Самодуров держался как всегда непринужденно, дескать, все у него хорошо. Даже спрашивать о чем-то противно. Редькин и не собирался спрашивать. Ответил коротко:

– Спешу. А у меня аккумулятор слабый, вдруг не заведусь.

Во сморозил-то! В новой машине аккумулятор слабый! Ну, да ладно, это все ерунда.

– Сколько денег принес, Серега? Приветик! – задала Маринка ключевой вопрос, перегнувшись через Тимофея.

– Пятьсот, – сказал Самодуров и вынул пачку мелких купюр из внутреннего кармана. (Господи! Откуда столько «зелени» низкого номинала?)

– Обещал же тыщу! – возмутился Редькин.

– Ну, так получилось...

Самодуров был в своем репертуаре, объяснения его оригинальностью никогда не отличались.

И теперь оставалось два варианта: взять деньги или отказаться. С одной стороны, пятьсот баксов – неплохая сумма, да и не чьи-нибудь они, а свои, кровные. Но с другой... Те четыре неизвестных бугая в машине.

В следующую секунду все сомнения развеялись, то есть стало просто не до них. Не четыре, а два, но, безусловно, бугая двигались к ним по кривой тропинке решительными шагами. Тимофей, что называется, жопой почуял: это они. Мельком оглянулся на Артема, перехватил его взгляд, такой же испуганно следящий за приближавшимися парнями, и очень быстро проговорил:

– Я не возьму этих денег, Сергей, ты обещал тысячу, встретимся еще раз.

Времени не осталось совсем. Он хлопнул дверцей, едва не отхватив Самодурову пальцы, двое побежали, но тут же, одумавшись, опять перешли на шаг. Какие козлы! Ну, совсем чайники необученные, книжек про шпионов, что ли, не читают?

Тимофей дал по газам.

– Вот это детектив! – восхищенно сказал Артем. – Кто они?

– Не знаю, – буркнул Тимофей, разгоняясь уже по Садовой и глядя в боковое левое зеркальце, словно заправский суперагент всех разведок мира.

Никто их не преследовал. Но от светофора до светофора Тимофей все равно выжал почти восемьдесят и отчаянно вилял в потоке.

А Маринка вдруг схватилась за голову, заревела чуть ли не в голос и сквозь всхлипывания проговорила:

– Я больше не могу так, не могу! Останови, Тимка!

Перестроиться в правый ряд удалось не сразу. Но после Красных ворот они все-таки припарковались к обочине и закурили. Артем, продолжая играть, как мальчишка, вел усиленное наружное наблюдение, а Тимофей утешал Маринку, медленно приходившую в себя. Кто б его самого утешил?

На следующий день Вербицкий их похвалил за отлично проведенную операцию и объяснил, что четверо придурков в «волжанке» были обыкновенными рэкетирами мелкого пошиба. Ведь Самодуров должен не только Редькиным, это известно, вот на него и наезжает всякая шелупонь. Ну а туповатый Серега начал переводить стрелки на кого попало. На этот раз у бестолковых вымогателей ничего не вышло, и Майкл давал сто процентов за то, что никакого продолжения не будет. Однако честно признался, что объяснение придумал на ходу на основе собственной богатой практики. Он доверял своему чутью и потому не сомневался, что практически все угадал. Тем не менее обещал проверить детали, навести справки о персоналиях и уважаемым клиентам, то есть Редькиным в свой черед доложить. На том и завершилась очередная безумная встряска в их жизни.

Вот только чувствовал Тимофей, что она далеко не последняя. И правильно чувствовал. Через каких-нибудь двое суток потряхнуло вновь.

Чудесным погожим вечерком вся компания совершала обычный моцион на Бульваре. И Гоша при параде, и Пахомыч с тяжелого бодуна, и Тимофей с супругой, и Олег со своей Валей. И Юлька, красивая, как сказка: в белой кофточке, оттенявшей ее смуглую кожу, в пижонской молодежной курташке из мягкой кожи, с новой прической и очень эффектно покрашенная. В гостях была. Так и пояснила. Пила там только шампанское, поэтому и со всеми вместе добавить не побоялась, ведь повышать обороты можно – понижать нельзя. Ну, а чем повысить обороты нашлось – у Ланки Маленькой случился день рождения, вот ребята и вытащили хороший английский джин «Гринолс», необычайно дешевый в ту пору, потому как беспощинный был, для дам – вермут «Мартини», экстра драй – тоже доступный, почти пролетарский напиток (что такое сорок тысяч за литр?), ну и лучший в мире тоник «Швепс»

на разбавку. Вроде на всех не так и много получилось, но, как говорится, все дело в волшебных пузырьках. Европейцы не зря свои коктейли придумывали – стакан газированного слабоалкогольного напитка – это вам не рюмка водки, и даже не две. В общем, все повеселели, начали фривольные шутки отпускать и анекдоты с непристойностями рассказывать, какие обычно в смешанных компаниях не приняты. Потом тональность беседы слегка переменялась. Гоша прочел пару своих стихов, не шуточных, конечно, но легких, жизнерадостных. И Тимофей понял, что теперь самое время ему поразвлекать народ. Извинился перед Гошей за невольную ассоциацию и продекламировал по памяти любимые вирши из журнального самотека, где работал когда-то литконсультантом. Народ давился от смеха и сгибался пополам, аж собаки нервничать стали, не понимая, что это с хозяевами. От абсурда поэтического перешли к абсурду армейскому. Перебрали всю классику от коротких афоризмов типа «Сапоги надо одевать утром на свежую голову» или «От меня до следующего столба – шагом марш!» до всевозможных анекдотов вроде того, где приказали грузить *люмень*, а особо умных, которые считали, что правильно говорить «алюминий», отправили грузить *чугуний*. Анекдоты все до одного были с бородами, но от этого не казались менее смешными – уж больно все развеселились. По части армейского фольклора лидировал, конечно, Гоша, но и Тимофей пытался не отставать, вспоминая студенческие лагерные сборы. Словом, чудесный получился вечер. Если б не финал.

Время шло к полуночи. Все дружно решили, пройти еще один последний бульвар, вниз, до Яузского и расходиться. Двигались, как всегда, не торопясь, этакой шеренгой поперек всей аллеи, собаки вертелись рядом, бегали кругами. И вдруг, едва поравнялись с иранским посольством, грянул взрыв. Бомба не бомба, но снаряд, когда падает примерно такой бывает звук – по силе. Аналогия возникла у Редькина. Но Гоша ее потом профессионально подтвердил. Все оглянулись, как по команде. Взрывной волны не ощутили, но осколков хватало, потому что метрах в пятнадцати позади роскошный темно-синий «сааб» въехал в чугунную ограду бульвара. Двух секций этой ограды теперь как не бывало. Тяжеленные столбики и огромные куски ажурной решетки, каждый килограммов по двадцать пролетели, кувыркаясь, через весь бульвар – глубокие борозды оставили они в утоптанном грунте. Все молчали. Впечатляющее зрелище. Каждый, наверно, думал об одном и том же: а вот окажись я на этом месте десятью секундами позже!..

Потом Гоша мрачновато пошутил:

– А вот и чугуний! Грузить пойдём?

– Летающий чугуний, – еще более угрюмо констатировал Редькин.

Водитель «сааба», не очень молодой, но спортивного вида гражданин выбрался из-за покореженной дверцы вроде бы совсем невредимый.

– Все нормально, мужики! – прохрипел он, хотя женщин в подбежавшей компании было едва ли не больше, чем мужчин.

«Ничего себе нормально! – подумал Редькин. – Ремонта тысяч на двадцать грин, если не больше, и столько человек чуть не угробил...»

Лицо гражданина из «сааба» показалось ему смутно знакомым, и это было особенно неприятным. Да еще Лайма к нему рванулась. Другие собаки в стороне держались – только их далматиница повела себя странно: быстро обнюхала брюки водителя и тут же залаяла. От всего этого хмель как ветром сдуло с Тимофея, и сразу препротивно засосало под ложечкой.

Вскоре из другой дверцы выкарабкался пассажир с лицом, обильно залитым кровью. Девчонки заахали. Ланка Маленькая, хоть и была под очень приличным градусом, (ведь отмечать свой праздник еще дома начала), по такому случаю вмиг протрезвев, заявила, что она медсестра, и кинулась оказывать первую помощь. Водитель вяло отказывался, объясняя, что уже вызвал скорую по сотовому. В голосе его вдруг послышался легкий, но явный акцент, нет не кавказский, скорее немецкий (Редькин в студенческие годы с немцами общался, да и

в школе немецкий проходил). Неужели иностранец? А впрочем, чему удивляться? Их теперь в Москве, как грязи, по одежде не отличишь. Наши точно так же одеваются, а вот ездить по русским дорогам западникам определенно трудновато. Вот и врезался, бедолага. Ментов он, как видно, тоже вызвал. И те и другие приехали на удивление быстро.

В общем, увлекательное зрелище вот-вот должно было закончиться, и Гоша предложил все-таки пройти до конца бульвара. По дороге объяснял Тимофею и Маринке как новичкам, что у них тут этикие истории – дело обычное. Сегодняшний случай довольно странный сам по себе, но зимой или в мокрую погоду подобное происходит с утомительной регулярностью.

– Видите, какой изгиб дает в этом месте дорога? Если провести геометрически точную прямую вдоль направления движения, именно в эти две секции ограды машины и должны попадать, когда руля не слушаются. Тут у нас забор в среднем каждый месяц меняют.

Насчет месяца Гоша, быть может, и преувеличил, но вообще все остальные тоже подтвердили – аварии на бульваре не редкость.

Это несколько успокоило Редькина. Он даже начал оттаивать, отходить от мрачных мыслей, вновь принялся украдкой засматриваться на Юльку, захотелось выпить еще. Но было уже нечего, и он только курил одну от одной, догоняя остатки ускользающего кайфа.

«Чепуха, – уговаривал он себя. – Случайное совпадение».

Вот тут проклятый Пахомыч и влез со своей репликой. Ну, не любил он за что-то Тимофея! Впрочем, антипатия гораздо чаще, чем любовь, бывает взаимной.

– Ну, дедушка Тимофей Петрович, вот и еще раз на тебя покушение совершили! Правда, Гош? – гоготнул Пахомыч.

Гоша не поддержал ехидного тона:

– Нет, брат, теперь уж на нас на всех покушались, вместе с собаками.

– Тогда тоже не одному лишь Тимофею машину помяли, – упорствовал Пахомыч. И добавил назидательно: – При любых покушениях случайные люди страдают. Неужели это объяснять нужно?

А сам с ядовитой такой улыбочкой все смотрел на Редькиных, ожидая раздраженного ответа.

Тимофей же залился внезапно краской, как девушка – спасибо еще темно было и никому не видно – а язык у него точно присох к нёбу, слова не получались – настолько Пахомыч в точку попал. Будто мысли читал, сволочь! И откуда только отчество знает? Вроде на Бульваре не представлялся полностью ни разу...

В общем, праздник был испорчен окончательно. Дома пришлось добавить коньяком из-под кровати – там в коробке от старых весов лежала у него маленькая плоская бутылочка. Но радости это уже не принесло. Смутное ожидание новой крупной пакости – в последнее время они минимум парами ходили – даже не позволяло уснуть. Жена уже захрапела утомленная. А Тимофей все лежал и тупо смотрел в темный потолок. Маринке тоже не понравилась авария, но это не помешало ей за вечерним чаем с огромным удовольствием пересказать все подробности матери, Верунчику и Никите. Однако ночью, когда остались вдвоем, Тимофей даже спросить не успел, жена сама уловила его безмолвный вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.